

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

НАСИРОВ ЗУХРИДДИН ШАКИРЖАНОВИЧ

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

Специальность: 5А-120102

Лингвистика (английский язык)

Работа рассмотрена и
допускается к защите.
Зав. кафедрой, к.ф.н., доцент
Галиева М. Р.

Научный руководитель:
к.ф.н, доцент Тухтаходжаева З.Т.

_____ 2014 г.

Ташкент-2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Лингвокультурология как новое направление лингвистических исследований	8
1.1. Язык и культура как основополагающие понятия лингвокультурологии	8
1.2. Основные теоретические положения лингвокультурологии	13
1.3. Национально-культурная специфика как проявление лингвокультурных особенностей языковых единиц	15
1.3.1. Аспекты языковой картины мира в лингвокультурологии	19
1.4. Роль языковой личности в становлении лингвокультурного фона языка	25
1.5. Фактор лингвокультурного кода в процессе коммуникации	29
Выводы по первой главе	31
Глава II. Проблема вариативности английского языка	33
2.1. Вариативность единиц языка	33
2.2. Распространенность английского языка как международного	37
2.3. Вариативность современного английского языка	41
2.4. Стандартный английский и национальные варианты английского языка	46
2.4.1. Британский вариант английского языка	47
2.4.2. Канадский вариант английского языка	49
2.4.3. Австралийский и Новозеландский варианты английского языка	51
Выводы по второй главе	53

Глава III. Лингвокультурологические особенности лексических единиц американского варианта английского языка	55
3.1. Лексические особенности американского варианта английского языка как отражение культуры и истории народа	55
3.2. Статус общего американского сленга в лингвокультурной системе США	57
3.2.1. Сленговая лексическая единица и её культурно значимая информация	59
3.3. Культурологическая функция фразеологических единиц в американском английском.....	67
3.4. Заимствованная лексика в американском английском как результат межкультурной коммуникации	71
Выводы по третьей главе	78
Заключение	80
Список использованной литературы	84

ВВЕДЕНИЕ

С момента обретения нашей страной независимости международные отношения Узбекистана со странами мирового сообщества перешли на качественно новый уровень. В период глобализации экономики, интеграции политической и культурной жизни, способствующих активизации и укреплению международных связей в различных сферах, большую роль играет знание иностранных языков, в частности, английского как языка международного общения.

Постановление Президента Ислама Каримова «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков»¹ от 10 декабря 2012 года служит важным фактором совершенствования этой работы.

Язык как феномен национальной культуры народа являлся постоянным объектом внимания и исследования специалистов. Идея Гумбольдта о том, что язык есть выражение национального духа, становится все более актуальной, особенно в наши дни, когда национальные проблемы столь остры и национальная проблематика явно вышла чуть ли не на самый первый план гуманитарного знания.

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение.

Сегодня мы живём в эпоху глобализации, под которой понимается процесс, затрагивающий все земное пространство. Предполагается, что множество социальных, экономических, культурных, лингвистических, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. Следовательно, уже ни один народ не может жить в коммуникативной изоляции. Для этого стал необходим универсальный язык, язык

---

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан о мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков. - Г.Ташкент: газета «Народное слово», 11.12.2012г. №240 (5630)

межкультурного общения. В связи с усилением во второй половине XX в. влияние США в мире английский язык получает статус глобального языка, языка межкультурного общения.

Актуальность исследования определяется всё более возрастающим вниманием к проблеме языковой вариативности. В связи с расширяющейся географией английского языка, проблемным является вопрос выбора обучения и изучения того или иного варианта для стран, где английский является иностранным. Становится очевидным, что изучение вариантов современного английского языка – одна из важнейших задач современной лингвистики.

Базируясь или отталкиваясь от классических теорий взаимоотношения и взаимодействия языка и культуры (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф), современные лингвокультурологи (А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.) развивают, переосмысливают, уточняют представление о языке как элементе лингвокультурного комплекса и о роли в нём языка.

Целью диссертационного исследования является изучение вариативности английского языка на лингвокультурном уровне. Мы сочли благоразумным провести исследование на примере американского английского, т.к. именно этот вариант на наш взгляд вызывает наибольший интерес в силу своей распространённости и открытости воздействию различных культур и языков.

Поставленная цель определяет **задачи** исследования, основными из которых являются следующие:

- охарактеризовать взаимосвязь языка и культуры;
- проанализировать вариативность современного английского языка и дать общее определение стандартному английскому;
- показать уникальность американского английского, как языка межкультурного общения;

- выявить лингвокультурологические особенности лексических единиц американского варианта английского языка

Объектом исследования является вариативность современного английского языка.

Предмет исследования данной диссертационной работы составляет определение характера воздействия культуры на вариативность английского языка.

Множественность используемых **методов** обусловлена многогранностью предмета исследования и многоаспектностью самого исследования. Метод наблюдения над языковым материалом даёт возможность проследить за тенденциями функционирования языковых единиц. В качестве одного из ведущих методов данного исследования остаётся компонентный анализ, поскольку он проливает свет на процессы формирования значения лексических единиц. Кроме этого в ходе работы был использован сравнительно-исторический метод.

Научная новизна данной заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка дифференциации американского варианта английского языка в лингвокультурологическом аспекте. Также мы попытались проанализировать общий американский сленг в функционировании (передачи им культурной информации).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём впервые поставлен и проанализирован вопрос о корреляции языка и культуры не на литературном, а на нестандартном материале динамически развивающегося американского варианта английского языка.

Практическая значимость работы определяется тем, что её результаты могут быть использованы в лексикографической практике, а также в курсе лекций и на семинарских занятиях по лексикологии, в курсе перевода, в спецкурсах по лингвокультурологии, в написании курсовых и дипломных работ.

Апробация. По теме диссертации опубликованы две статьи. Концептуализация взаимосвязи языка и культуры// Сб. статей научно-практической конференции «Хозирги замон тилгунослигида когнитив лингвомаданиятшунослик ва гендер тилшунослиги йуналишларига доир масалалар»-Ташкент, 2013. – №1. – С.117-119; Аспекты языковой картины мира в лингвокультурологии// Сб. статей научно-практической конференции «Замонавий тилшунослик, адабиётшунослик, таржимашунослик ва хорижий тиллар укитишнинг муаммолари» – Ташкент, 2014. - №3. – С.96-98.

Логика изложения результатов исследования, его цель и задачи определили **структуру** работы. Данная диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы.

Во **введении** определяется область исследования, обосновывается выбор темы, актуальность и новизна, цели и задачи работы, а также методы анализа материала.

В **первой главе** рассматриваются вопросы взаимодействия языка и культуры и необходимости их рассмотрения в рамках новой парадигмы знаний – лингвокультурологии.

Во **второй главе** рассматривается вопрос о вариативности единиц языка, статусе английского языка, как средства межкультурной коммуникации в эпоху глобализации, вариативности современного английского. Кроме этого даётся дефиниция таким понятиям как стандартный английский и национальные варианты английского языка.

В **третьей главе** освещаются основные вопросы исследования – это функционирование культурной коннотации и информации в лексических и фразеологических единицах американского английского. Наряду с этим рассматривается общий американский сленг в лингвокультурной системе США. Кроме этого, уделено внимание заимствованной лексике, как результату межкультурной коммуникации.

Итоги проведённого исследования подводятся в выводах к главам и в **заключении**.

Глава I. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Язык и культура как основополагающие понятия лингвокультурологии

Вопрос соотношения и взаимосвязи языка и культуры всегда вызывала значительный интерес многих лингвистов, которые, невзирая на своеобразие подходов к данному вопросу, рассматривают культуру и язык во взаимодействии. Современная лингвистика стремится постичь культурное сознание отдельно взятой нации через языковые средства. Большинство ученых-лингвистов сходятся во мнении, что язык, будучи явлением социальным, может и должен рассматриваться не только с чисто лингвистической точки зрения, но, что самое главное, с внеязыковой, экстралингвистической или культурологической, т. к. он сам есть часть культуры, с одной стороны, и «зеркало», отражающее ее своеобразие и богатство с другой.

Сложность описания языкового механизма обуславливается неоднородностью и неоднозначностью самого языкового организма. Язык сочетает в себе конкретное и абстрактное, субъективное и объективное, личностное и коллективное, национальное и универсальное. Язык помогает понять особенность человека. «Язык раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке» (Арутюнова, 2000:8), а духовное начало, как известно, связано с культурой, обусловлено ею и неотъемлемо от нее.

Сложность понимания взаимосвязи языка и культуры продиктована сложностью выявления особенностей языковых фактов. «У языка же нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы. Он делает это сам, толкуя одни смыслы через другие, перефразируя их, но не выходя за свои пределы. Язык, в отличие от человека, лишен языка, который бы фиксировал, ограничивал и стабилизировал его смыслы. Тайна человека

приоткрывается через язык, тайна языка безъязыка» (Арутюнова, 2000:8). На раскрытие этой тайны направлены усилия многих лингвистов. Язык приоткрывает одну из дверей. Тайна языка кажется более достижимой, но, как горизонт, все время отодвигается, ускользая от пытливых умов многочисленных исследователей.

Появление лингвокультурологии как научной дисциплины, прежде всего, обусловлено стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире. Кроме того, обращение к лингвокультурологическим исследованиям продиктовано желанием ученых лучше понять язык в его функционировании во всех сферах человеческой деятельности и, в особенности, в его отношении к культуре.

По определению Р. Якобсона функционально «язык является средством умственной и духовной жизни и средством общения» (Якобсон, 1998:306). Функционирование языка для обслуживания умственной и духовной жизни связывает язык с культурой как специфическим небиологическим способом деятельности (Маркарян, 1977:138-139). Сложность проблемы, связанной с описанием взаимодействия языка и культуры, продиктована неоднозначностью культурно-языковых связей, различным временем их закрепления, различной степенью транспарентности, различным источником доминирования (язык → культура и/или наоборот), асимметрией корреляции с наличием симметрии в отдельных компонентах, различной глубиной проникновения в сопряженное пространство, знаковым характером обеих сущностей. Неоднозначность, вариабельность культурно-языковых связей настолько велика, что позволяет трактовать язык как элемент, часть, факт, фактор, форму, источник, хранитель, памятник, транслятор, условие существования культуры (Пассов, 1998:18). Безусловно, такой разносторонний и разноуровневый характер взаимодействия языка и культуры не способствует однозначности при определении точного характера их взаимодействия.

Известно, что культура, предпосылкой и важнейшим средством бытия которой является язык, не может существовать без специальных средств материализации. Язык, в свою очередь, «раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке» (Арутюнова, 2000:8), которое связано с культурой, обусловлено ею и неотъемлемо от нее (Иванова 2004:16). Положение о диалектической связи языка и культуры является теоретической базой многих современных исследований, в том числе и лингвокультурологических, призванных раскрыть характер и специфику лингво-ментальных взаимоотношений. Притом, что исследования языка в плане его взаимодействия с культурой являются в последнее время чрезвычайно актуальными, особо стоит подчеркнуть становление и развитие научного характера тех фактов, которые ранее носили исключительно философский характер.

Основные положения взаимосвязи «язык – культура» изложены в исследованиях В. фон Гумбольдта, Л. Вайсбергера, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа. Эти исследования являются предпосылкой появления лингвокультурологии как отдельной науки и относятся скорее к области философии и этнолингвистики.

Философская проблема взаимосвязи человеческого мышления, языка и культуры впервые получает лингвистическое понимание в трудах В. фон Гумбольдта. Обозначая связь языка и культуры, ученый указывает на тесное переплетение языка с духовным развитием человечества. Язык сопутствует человечеству на каждой ступени его развития, отражая в себе каждую стадию культуры (Гумбольдт, 1984:48). Однако, первичная функция языка в понимании В. фон Гумбольдта, состоит не в общении или мышлении, а в том, что он является неким «промежуточным» звеном «между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт, 1984:304).

Вслед за В. фон Гумбольдтом, об определяющей роли языка в познании действительности пишут американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф. «Гипотеза лингвистической относительности» Сепира - Уорфа, а точнее ее

«слабая» версия, является одной из теоретических предпосылок, лежащих в основе лингвокультурологии. Связь языка и культуры характеризуется в работах этих ученых отношениями взаимопроникновения, что характерно для современной лингвистической науки, однако эти отношения не являются ни однозначными, ни симметричными. Согласно теории Сепира - Уорфа, язык обуславливает тип мышления его носителей: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (Сепир, 2001:261). Эту формулировку дополняет Б. Уорф, утверждая, что «человек расчленяет природу в направлении, подсказанном ему родным языком» (Уорф, 1960:174). Провозглашая «власть языка», авторы «гипотезы лингвистической относительности» все же уточняют свою точку зрения, утверждая, что он (язык) является «обязательной предпосылкой развития культуры в целом», одновременно, «прорастая» в нее, будучи тесно связанным с ней (Сепир, 2001:223).

Исследования А. Вежбицкой продолжают многолетние споры вокруг проблемы взаимоотношения языка и культуры. При этом А. Вежбицкая проявляет себя в качестве сторонницы теории Сепира - Уорфа, т.к. каждый язык, по ее мнению, служит уникальным средством выражения человеческого опыта, представляя собой «лучшее доказательство реальности культуры» (Вежбицкая, 1999:289), а «языковые данные оказываются решающими при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей» (Вежбицкая, 1997:291-292). Заявляя о своей приверженности идеям Э. Сепира, А. Вежбицкая присоединяется к словам ученого о том, что (1) «язык является символическим руководством к пониманию культуры», (2) «лексика — очень чувствительный показатель культуры народа» и что (3) языкознание «имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» (Вежбицкая, 1999:263). Одним из принципов, которые А. Вежбицкая формулирует при описании семантики

лексики, является положение о том, что разработанность лексического пласта языка определяется, в том числе, и культурой.

В данном исследовании представляется наиболее точным определение характера лингвокультурных связей как отношения взаимопроникновения. Основанием этому могут служить общие онтологические черты языка и культуры, «их объективно-субъективная детерминация, связь с человеческой деятельностью и с историей развития общества» (Смирнова, 2001:34).

Принцип взаимозависимости и взаимовлияния двух систем проявляется в том, что язык неразрывно связан с культурой, культура детерминирует содержание языковых единиц, а они, в свою очередь, обуславливают поведение носителей той или иной культуры (Карасик 2001а).

В процессе анализа культурных явлений культурологи в качестве единицы для обозначения таксонов культуры предложили термин культурема (Моль, 1973; Сорокин, 1982). В лингвокультурологии используется лингвокультурема как единица лингвокультурологического уровня, объединяющая собственно языковое и внеязыковое содержание. Это «погружение» в факт культуры. Для лингвокультурологии существенно не только употребление слов (как для лингвистики), но и характер использования самих реалий (внеязыковой, культурный уровень). Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду», - устойчивую сеть ассоциаций (Воробьёв, 1997: 44-48).

Таким образом, в концепции взаимосвязи языка и культуры сходятся интересы многих наук о человеке. Транспонируя высказывание Ю.Н. Караулова о языковой личности на исследуемое явление, можно сказать, что «это та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» (Караулов: 1987:3).

Теоретическую возможность продуктивно синтезировать знания о культуре, выражаемые посредством языка, видеть их глубинный смысл дает такая наука как лингвокультурология. Именно в лингвокультурологических исследованиях культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где культура понимается как содержание, а язык - как форма существования данного содержания.

1.2. Основные теоретические положения лингвокультурологии.

Как самостоятельное направление лингвистики, непосредственно связанное с культурой, лингвокультурология утвердилась в 90-е годы XX века. Ранее поставленный в лингвистике вопрос о соотношении языка и культуры, согласно прогнозу Эмиля Бенвениста, в лингвокультурологии получает вид триады «язык - культура - человеческая личность» (Бенвенист, 2002:45), с той разницей, что последний компонент этой триады в рамках лингвокультурологии трактуется как «языковая личность».

По своему характеру лингвокультурология является «пограничной наукой, стоящей на грани» лингвистики, этнографии, фольклористики, культурологии, социологии, «опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как многие другие современные научные дисциплины, комплексными методами» (Толстой, 1997:315). В таком же ключе определяет данное направление в языкознании и В. В. Воробьев, в трактовке которого лингвокультурология выступает как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, отражающая процесс взаимодействия языка и культуры как «целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» (Воробьев, 1997:36). Причем В. В. Воробьев конкретизирует свое определение, добавляя, что лингвокультурологическое исследование использует системные методы и ориентируется на «современные приоритеты

и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» (там же).

Объектом лингвокультурологии являются, по образному выражению В.В. Красных, «язык как отражение и фиксация культуры, и культура сквозь призму языка» (Красных, 2002:12). Однако, если культурология исследует самосознание человека в его отношении к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, наука о языке рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то в лингвокультурологии язык и культура, в их диалогическом взаимодействии, выходят на равнозначный уровень. Ориентируясь на проявления взаимодействия языка и культуры, лингвокультурологии, как филологическая дисциплина, изучает «предварительно отобранное множество духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности» (Иванова, 2004:41).

Таким образом, предметом исследования в лингвокультурологии являются «единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся тем «каналом», по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально - лингвального комплекса» (Красных, 2002:12). Так, это могут быть единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, паремиях и, в том числе, в поэтических и прозаических художественных текстах (Маслова, 2001:36). А. Вежбицкая предлагает для обозначения подобных явлений термин «ключевые слова» — «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры», воплощающие «ключевые для данного общества культурные концепты» (Вежбицкая, 1999:282; Вежбицкая, 2001:123).

Цель лингвокультурологии заключается в исследовании и описании культурного пространства «сквозь призму языка и дискурса»

(Красных, 2002:13). С помощью и на основе языковых данных, лингвокультурология «призвана установить базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нем зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т. д.; проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами» (Красных, 2002:13).

Важной задачей лингвокультурологии становится не столько установление того, какие факты культуры выражаются с помощью языка, сколько определение способов, которые язык вырабатывает для выражения культуры. Иными словами, лингвокультурология призвана изучить способы «лексикализации» (Вежбицкая, 1999), с помощью которых «язык воплощает, хранит и транслирует культуру» (Маслова, 2001:30) и направлена на исследование того, каким образом многообразные формы бытия культуры различных этносов отражаются и закрепляются в языке. При таком подходе язык понимается одновременно и как продукт культуры, и как ее продуцент, как важнейшая ее составляющая, и как фактор формирования культурных кодов. Другими словами, язык выступает в качестве одного из фундаментальных оснований существования и функционирования культуры.

1.3. Национально-культурная специфика как проявление лингвокультурных особенностей языковых единиц

В рамках проблемы взаимоотношения языка и культуры одним из основных моментов является вопрос об определении сущности **национально-культурной специфики**. Первоначально для решения вопроса о характере культурно-языкового взаимодействия предлагалось отдельное рассмотрение национальной специфики и культурной специфики. Под национальной спецификой подразумевались обусловленные или не обусловленные причинами культурного характера факты расхождения при

сопоставлении языков. Культурная специфика, в свою очередь, заключалась в соответствии языковой единицы элементу менталитета или духовной культуры сообщества, его истории, традициям и прочим (Гак, 1999: 260). Позднее, в виду сложного характера взаимодействия национального и культурного компонентов, в качестве предмета анализа было предложено изучение национально-культурной специфики. В основе такого комплексного подхода лежит признание культуры национальной по сути (Бердяев 1997; Телия 1998). В настоящее время в рамках лингвокультурологического анализа исследование сосредоточено на анализе национальной специфики, «реализующейся в особенностях культурно-языкового взаимодействия» (Иванова, 2004:18), иными словами, национально-культурной специфики.

Проявление национально-культурной специфики наблюдается, по мнению лингвистов, в таких компонентах культуры, как:

1) традиции, которые определяются как устойчивые элементы культуры, обычаи, понимаемые как традиции в «социо-нормативной» сфере культуры, и обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований (Бромлей, 1973:70);

2) бытовая культура;

3) повседневное поведение (т.е. нормы общения, принятые в некотором социуме);

4) национальные особенности мышления;

5) художественная литература, отражающая культурные традиции этноса;

6) особенности социо-политического устройства;

7) способ освоения и представления природных богатств;

8) технический и технологический уровень, способ освоения действительности (Иванова, 2004:20).

Все эти национально-культурные особенности, как подчёркивает С.В. Иванова, «находят своё отражение в языке как системе, которая в результате анализа выстраивается в определённую языковую картину мира» (там же).

По поводу того, что считать специфическим в национально-культурном аспекте в лингвистике, по мнению Д.О. Добровольского, существует два крайних взгляда. Согласно первой точке зрения, основанной на довольно узком понимании исследуемого явления, национально-культурный компонент присутствует только в значении слов-реалий. Другая точка зрения представляет собой прямо противоположную позицию, при которой «всё, что интерпретируемо в терминах ценностных установок, «прескрипций народной мудрости», «мировидения и миропонимания народа», признаётся релевантным в аспекте национальной культуры» (Добровольский, 1997:39).

В лингвистической науке есть мнение, что связь языка с национальной культурой осуществляется через культурную коннотацию (Гелия, Маслова и др.). Например, В.А. Маслова полагает, что такая культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания языковой единицы посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами (Маслова, 1997: 47). Особенно решительную позицию в пользу признания культурной коннотации занимает Е.А. Найда. Он прямо требует создания таких словарей, которые представляли бы собой «список слов с более или менее исчерпывающим изложением всевозможных культурных контекстов, в которых такие слова встречаются». Это главным образом «этнолингвистические словари», которые «показывают отношение лингвистических единиц с семантической отнесённостью к совокупности контекстов норм культуры» (Найда, 1962: 46-47).

Коннотация - важное средство межличностной коммуникации, она относится к идеальному миру. Коннотация не описывает мир, в отличие от логико-предметных значений, она описывает эмоциональные отношения

человека к миру (Шаховский, 1987: 68 - 77), и с этими положениями нельзя не согласиться. Различные аспекты коннотации рассматриваются в работе Т.А.Графовой (1987) и др.

В 1993 г. В.Н. Телия, говоря о культурной коннотации фразеологизмов, рассматривает культурную коннотацию как способ воплощения культуры в языковой знак: «Культурная коннотация - это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» (Телия, 1996: 214). Лингвисты по-разному трактуют понятие коннотации. Например, коннотация - это потенциальная ассоциативная энергия слова (В.В. Виноградов, 1972: 622). Многие авторы приравнивают коннотацию к стилистическому значению (Азнаурова, 1974, Скребнев, 1985, Говердовский, 1985, Т.Г.Винокур, 1985 и др.).

Е.И. Шендельс предлагает достаточно широкое, всеобъемлющее понимание коннотации: «Термин «коннотативный» - суммарен, он охватывает всю информацию, которую содержит форма сверх своего денотативного содержания. Коннотация - это субъективные наслоения разного рода» (Шендельс, 1970: 35). В.И. Говердовский отмечает, что коннотация ранее была только в экспрессивно-оценочно-стилистических рамках, а теперь включает социально-политические, морально-этические, этнографические, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ понятия, так или иначе отражающиеся в языке (Говердовский, 1985: 71).

В семантическую структуру коннотации обычно включают эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистические компоненты семантики слова (Азнаурова, Алексеев, Арнольд). Иначе подходят к этой проблеме В.И.Шаховский (1983, 1987) и И.А.Стернин (1985), которые семантикой коннотации считают эмотивность. Оценочный и экспрессивный компоненты не являются коннотативными, они - компоненты логико-предметного значения. Коннотация в трактовке В.И.Шаховского - это тот компонент семантики языковой единицы, с

помощью которого выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение и которые называются в логико-предметном значении единицы (Шаховский, 1987: 68).

Сложность семантического определения сущности коннотации дает основание полагать, что (как пишет М.С.Ретунская) «коннотация как лингвистическое явление, несмотря на множественность подходов к её изучению, вероятно, так и не обретёт общепринятого понимания, ибо не до конца изучены её состав и структура, возможности и формы взаимодействия её компонентов, их роль в организации высказывания, исчерпывающего определения коннотации, по-видимому, не существует» (Ретунская, 1996,17),

Тема национально-культурной специфики традиционно была закреплена за исследованиями в области фразеологии, однако на современном этапе развития науки о языке выдвигаются положения о том, что культурологически маркированными могут быть самые разнообразные уровни языковой системы – от лексического до синтаксического (Е.М. Верещагин, С.В. Иванова, В.Г. Костомаров).

1.3.1. Аспекты языковой картины мира в лингвокультурологии

Лингвокультурологическое исследование неизбежно сталкивается с проблемой определения термина «языковая картина мира». Это понятие вошло в лингвистический обиход еще с трудов В. фон Гумбольдта и имеет широкое хождение в силу актуальности лингвокультурологических исследований.

В. фон Гумбольдт был одним из первых лингвистов, кто обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, отмечая, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» (Губмольд, 1985: 324). Каждый человек имеет субъективный образ некоего предмета, который не совпадает полностью с

образом того же предмета у другого человека. Объективироваться это представление может только, прокладывая «себе путь через уста во внешний мир». Слово, таким образом, несет на себе груз субъективных представлений, различия которых находятся в определенных рамках, так как их носители являются членами одного и того же языкового коллектива, обладают определенным национальным характером и сознанием. По В. фон Гумбольдту, именно язык оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей. Эти его функции, а также способы образования понятий с помощью языка, считаются общими для всех языков. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народов - носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, «в способах выражения мыслей и чувств» (Губмольд, 1985: 224).

В. фон Гумбольдт рассматривает язык как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение. В. фон Гумбольдт акцентирует разницу между понятиями «промежуточный мир» и «картина мира». Первое - это статичный продукт языковой деятельности, определяющий восприятие действительности человеком. Единицей его является «духовный объект» - понятие. Картина мира - это подвижная, динамичная сущность, так как образуется она из языковых вмешательств в действительность. Единицей ее является речевой акт.

Таким образом, в формировании обоих понятий огромная роль принадлежит языку: «Язык - орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» (Губмольд, 1985: 314).

Заслуга Л. Вайсгербера заключается в том, что он ввел в научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира». Это понятие определило своеобразие его лингвофилософской концепции наряду с «промежуточным миром» и «энергией» языка.

Основными характеристиками языковой картины мира, которыми её наделяет Л. Вайсгербер, являются следующие:

- языковая картина мира - это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка,
- языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития,
- языковая картина мира как единый «живой организм» чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж. Другими словами, языковая картина мира обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему,
- языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе,
- языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка,
- языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка,

- картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка,
- языковая картина мира конкретной языковой общности и есть её общекультурное достояние.

Восприятие мира осуществляется мышлением, но с участием средств родного языка. Способ отражения действительности носит у Л. Вайсгербера идиоэтнический характер и соответствует статичной форме языка. По сути, учёный акцентирует интерсубъектную часть мышления индивида: «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются «выученными», то есть общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» (Вайсгербер, 1993: 132).

Язык как деятельность рассматривается и в трудах Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики. По мнению этого учёного, мышление имеет речевой характер и является деятельностью со знаками. Л. Витгенштейн выдвигает следующее положение: жизнь знаку дает его употребление. При этом «значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления» (Витгенштейн, 1994: 19). Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности, ситуации, контекста. Поэтому одним из важнейших вопросов для Л. Витгенштейна является соотношение грамматического строя языка, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации. Предложение - модель действительности, копирующая её структуру своей логико-синтаксической формой. Следовательно, в какой мере человек владеет языком, в такой степени он знает мир. Языковая единица представляет собой не некое лингвистическое значение, а понятие, поэтому Л. Витгенштейн не разграничивает языковую картину мира и картину мира в целом.

Основательный вклад в разграничение понятий *картина мира* и *языковая картина мира* внесен Э. Сепиром и Б. Уорфом, утверждавшими, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, - это всего лишь иллюзия. В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» (Сепир, 1993: 446). Употребляя сочетание «реальный мир», Э. Сепир имеет в виду «промежуточный мир», включающий язык со всеми его связями с мышлением, психикой, культурой, социальными и профессиональными феноменами. Именно поэтому Э. Сепир утверждает, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом...он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой» (Сепир, 1993: 220).

Современные представления о языковой картине мира выглядят следующим образом.

Язык – факт культуры, составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения (Сукаленко, 1992: 49), т.е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык.

Данную точку зрения разделяет В.А. Маслова: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности,

характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» (Маслова, 2007: 19).

Е.С.Яковлева под языковой картиной мира понимает зафиксированную в языке и специфическую для мира – это своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева, 1994: 73-89).

«Языковая картина мира» - это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» (Караулов, 1996: 188).

Понятие наивной языковой картины мира, как считает Д.Ю. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка (Апресян, 1995: 39).

Языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир (Апресян, 1995: 45).

Языковая картина мира, как отмечает Г.В. Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счете, эти особенности находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т.д. в языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)», которая заключается именно в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в

его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» (Колшанский: 1990: 33).

1.4. Роль языковой личности в становлении лингвокультурного фона языка

Воссоздание языковой картины мира невозможно осуществить без рассмотрения вопроса о языковой личности. Реальным, живым носителем культуры является личность. Так, И.П. Ильин указывает, что индивид - это «элемент культурной ткани» (цит. по (Степанов, 2001а:40)). Но эта же личность является и носителем языка. По сути, личность становится средоточием культурных и языковых сфер: в ней опредмечивается «душа языка» и мировидение человека (Вендина, 2002:42). С нее начинаются и на ней замыкаются культурологические и языковые процессы. Воздействие культуры на язык осуществляется через языковую личность. Но и обратное движение своим рычагом имеет языковую личность.

Понятие языковой личности было введено в широкий лингвистический обиход Ю.Н. Карауловым. Вместе с тем появление данного термина имеет довольно долгую предысторию (см. обзор в (Залевская, 2000:94) и в конечном итоге было обусловлено различными тенденциями в развитии лингвистической мысли. Прежде всего сосюрговская дихотомия «язык — речь» придает равное значение языку как системе, языку как абстракту, с одной стороны, и речевым образованиям, то есть реальному продукту функционирования этой системы, с другой. В свете этих воззрений определяющая и значимая роль личности говорящего индивида давно нашла отражение в лингвистических исследованиях. Так, А. Мартине отмечал, что любые языковые изменения происходят внутри индивида. Язык же по сути

представляет собою «совокупность миллионов микромиров» (Мартине, 2000:18) говорящих на нем субъектов. У. Вайнрайх, размышляя о языковых контактах, полагает, что «местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» (Вайнрайх, 2000:22). Вторым фактором, способствующим обращению лингвистов к проблематике языковой личности, является приоритизация коммуникативной функции языка. Общение осуществляется индивидами. Следовательно, полноценное рассмотрение языка в отрыве от личности, говорящей на нем, невозможно. Третьим фактором, стимулировавшим исследования по проблематике языковой личности, стало вытекающее из первых двух понимание и осознание роли субъективного фактора в языке.

Таким образом, в результате многочисленных и многосторонних исследовательских усилий лингвисты пришли к логическому заключению о том, что все в языке вращается вокруг личности. Именно человек является точкой пересечения разнонаправленных векторов, именно личность является реализацией различных центробежных и центростремительных сил, именно в речи говорящего индивида происходит манифестация всех сложных и противоречивых процессов, касающихся сути языка.

Несмотря на долгую предысторию вопроса о языковой личности, в понимании и определении этого термина ощущалась размытость и отсутствие терминологической четкости. Широкая распространенность этого термина и его кажущаяся самоочевидность способствовали тому, что вопрос о внесении необходимой ясности в его трактовку не был сформулирован со всей заслуживающей этого остротой. Свободное оперирование данным термином и неоспоримость многих утверждений, как например: «любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» (Л.П. Клобукова, цит. по (Красных, 2001:150)), «если языковая личность - это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность - это языковая личность в парадигме реального общения» (Прохоров, 1997), тем не менее не определяют существа языковой

личности. Кроме того, положение осложняется появлением целого ряда параллельно, а иногда и синонимично употребляемых терминов: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, человек говорящий, носитель языка, языконоситель, *homo loquens*. Так, В.В. Красных разграничивает три первых термина и проводит их иерархизацию. В ее понимании «человек говорящий» выступает в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность (Красных, 2001:150-152). В такой интерпретации языковая личность приобретает системный аспект, это сама парадигма. Речевая личность акцентирует функциональный аспект, это элемент парадигмы. Коммуникативная личность — это личность, принимающая участие в коммуникации. Такая рубрикация соотносится с разграничением системных, функциональных и коммуникативных параметров высказывания. Все эти аспекты в представлении В.В. Красных реализуются в «человеке говорящем», т.е. «личности, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)» (Красных, 2001:151).

Нам видится несколько иное взаимоотношение перечисленных терминов. Полагаем, что *homo loquens* служит обозначению человека, владеющего языком. В широком смысле это «человек говорящий»: *homo loquens* можно отнести несмотря на парадоксальность высказывания и к глухому и к немому человеку. *Homo loquens* - это человек, наделенный языковой способностью. С другой стороны, это потенциальный коммуникатор, который может стать автором и/или реципиентом сообщения. Таким образом, сочетание *homo loquens* уступает место другому термину – «человек говорящий». «Человек говорящий» предполагает индивида, могущего порождать и воспринимать тексты в силу имеющейся у него языковой способности. Человек говорящий - это тот, кто говорит. Говорить - значит быть участником разговора, т.е. порождать и воспринимать речевые сообщения, переданные посредством вербального языкового кода. Это

двуединство в значении сочетания «человек говорящий» позволяет использовать его в различных терминологических контекстах. Как термин он очень удобен при описании процесса коммуникации, ибо позволяет объединить в одном имени продуцента и реципиента сообщения. С другой стороны, в широком смысле он может использоваться наряду с терминами «языковая личность» и «носитель языка». Однако в «человеке говорящем» акцентирована речедеятельностная сторона, в то время как языковая личность несет в себе результат сопряжения языкового, личностного и культурного начал. Таким образом, языковая личность с обязательностью предполагает определенное мировидение, связанное с культурной традицией этносоциума. Языковая личность являет собою совокупность системных, функциональных, культурологических параметров языконосителя. «Языковая личность» неизбежно влечет за собой такую свою ипостась, как национально-культурную специфику. По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин» (Бердяев, 1997:85). Такое понимание термина «языковая личность», с поправкой на национально-культурную специфику, отличается от понимания, предложенного В.В. Красных. Наконец, сочетание «носитель языка», а также «языконоситель», встречающиеся у Д.С. Лихачева, акцентирует аутентичность языка, производимого индивидом.

В силу наибольшей степени отражения лингвокультурологической специфики термин «языковая личность» прочно закрепился в лингвокультурологических исследованиях

1.5. Фактор лингвокультурного кода в процессе коммуникации

Взаимодействие языка и культуры выражается, во-первых, в тесных связях этих двух явлений, что было неоднократно продемонстрировано выше. Во-вторых, оно приобретает форму причинно-следственной цепи. Причем и причиной и следствием может попеременно выступать каждая из названных сущностей. И язык и культура условием своего существования имеют семиотическое пространство, то есть семиосферу (Лотман, 1999:163). Обусловленные взаимным нахождением в семиосфере, и язык и культура характеризуются семиотической природой. В этой связи Ю.М. Лотман отмечает, что «любой отдельный человек оказывается погружённым в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а всё присущее данной культуре семиотическое пространство» (Лотман, 1999:165). Это наблюдение с неизбежностью подводит к выводу о существовании лингвокультурного кода, который и действует в пределах данного семиотического пространства. Лингвокультурный код следует понимать как инструмент, который обеспечивает полноценную коммуникацию в пределах данного семиотического пространства. Лингвокультурный код представляет собой систему лингвокультурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности.

Признание за языком статуса лингвокультурного кода позволяет более широко смотреть на языковые факты, обнаруживать в них дополнительный пласт информации, относящейся к культурному пространству – семиосфере, которая, по словам Ю.М. Лотмана, является и результатом и условием развития культуры (Лотман, 1999:166). В этом же пространстве функционирует языковая личность. Языковая личность представляет собой матрицу, в которую укладываются элементы лингвокультурного кода.

Структурирование и организация элементов лингвокультурного кода в рамках матрицы производится в соответствии с устройством самой матрицы. Матричное устройство языковой личности, то есть описанная выше структура её организации, обеспечивает наличие ключа к дешифровке других, созданных и существующих в этом пространстве объектов и явлений.

Понятие лингвокультурного кода служит надёжной объяснительной базой теории обусловленного означивания М.М. Маковского. Он полагает, что связь означаемого и означающего в слове комплиментарна, «каждое отдельное слово того или иного языка представляет собой уникальное образование. Организованное на основе присущих только ему комбинаторных схем и обладающее в связи с этим уникальными качествами и количественными свойствами» (Маковский, 1989:9). Необходимо отметить, что данная теория находит себе всё больше сторонников, полагающих, что выбор мотивирующего признака в акте номинации не носит случайного характера (Вендина, 2002:43).

Понятие лингвокультурного кода также соотносится и смыкается с введённым Р. и С.В. Сколлонами понятием системы дискурса (*discourse system*) из области теории межкультурной коммуникации (Scollon & Scollon, 1995). Согласно Р. и С.В. Сколлонам, система дискурса замыкает говорящего в черте идентифицирующего его языка и облегчает коммуникацию с подобными языковыми личностями. Идентифицирующая сила языка, о которой пишут Р. и С.В. Сколлоны (Scollon & Scollon, 1995:11), связана именно с существованием языка как лингвокультурного кода. Лингвокультурный код обслуживает систему дискурса и является основой её единства для всех членной данной системы. Таким образом, аппарат лингвокультурологического исследования позволяет дать лингвистическое определение системе дискурса, отсутствующее в исследовании Р. и С.В. Сколлонов. Систему дискурса следует понимать как систему взаимодействия языковых личностей, объединённых единым лингвокультурным кодом. Понятие системы дискурса акцентирует коммуникативные возможности

языка, выступающего в качестве лингвокультурного кода. В данном случае речь идёт о коммуникативном потенциале и роли языка в процессе коммуникации. Использование термина «система» подчеркивает однопорядковость, однородность коммуникантов, являющейся следствием их принадлежности одной лингвокультурной общности. С другой стороны, этот термин подчеркивает определённую, а именно системную организацию языковых средств в процессе коммуникации.

Таким образом, лингвокультурный код осуществляет связь в рамках системы дискурса. Соответственно, лингвокультурный код, система дискурса и семиотическое пространство являются тремя коррелирующими терминами. Лингвокультурный код служит каналом связи в системе дискурса. А вместе они существуют и обусловлены семиотическим пространством, определяющим сферу существования этно-культурной общности.

Выводы по первой главе

В настоящее время связь языка и культуры является общепризнанным фактом. Более того, широкомасштабные исследования, которые проводятся в области сопряжения языка и культуры, переросли в новое направление, получившее название лингвокультурологии. Лингвокультурология представляет собой новое направление лингвистических исследований. Базовыми понятиями этой науки являются "язык" и "культура", вопрос о взаимоотношении которых лежит в основе современных лингвокультурологических исследований.

Для решения вопроса о культурно-языковом взаимодействии В.Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику. Национальная специфика выявляется при сопоставлении языков и предопределяется двумя факторами: объективным и субъективным. Объективный фактор предполагает естественные и культурные реалии, характерные для жизни одного народа, но отсутствующие в жизни другого народа. Субъективный

фактор состоит в факультативной выборности: слова, отражающие одни и те же реалии, различным образом представлены в разных языках. Иными словами, национальная специфика проявляется во всех случаях расхождений, которые могут быть обусловлены или не обусловлены причинами культурного характера. Культурная специфика предполагает соответствие языковой единицы элементу менталитета или духовной культуры сообщества, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни.

Национально-культурная специфика находит отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира.

Языковая картина мира несет в себе изображение мира при помощи языковых средств, которое и создаёт наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности. Картина подразумевает целостное отражение, которое тем или иным способом воспроизводит положение, состояние предметов и явлений окружающего мира. Отражая мир в его бесконечном многообразии и целостности, языковая картина мира указывает на составляющие картины, их состояние, положение, то есть связи по отношению друг к другу. Таким образом, можно прийти к выводу, что одно из важнейших понятий лингвокультурологии - «языковая картина мира» - определяется как система отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт народа, говорящего на данном языке.

Воссоздание языковой картины мира возможно осуществить через описание структуры языковой личности. Языковая личность понимается как носитель языка, посредством которого осуществляется прием и передача социального опыта, характеризующего и характерного для данной лингвокультурной общности. Таким образом, языковая личность владеет лингвокультурным кодом, обеспечивающим многообразные и многосторонние связи с различными представителями того же этносоциума.

Глава II. ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Вариативность единиц языка

Способность к постоянному изменению является одним из наиболее существенных свойств естественных знаковых систем, к которым относится человеческий язык. Вариативность языка в историческом плане является следствием языковой эволюции, контактов языков и диалектов, взаимодействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов.

В силу того, что язык принято рассматривать как совокупность разновидностей с учетом географической, социальной и иной стратификации, а общая неоднородность языковой системы является неоспоримой, вариативность представляет собой чрезвычайно важное языковое явление, требующее тщательного изучения.

В процессе данного изучения возникает множество вопросов: что такое вариант и варианты; необходимо ли всегда иметь инвариант; одинаково ли понятие варианта для различных уровней системы языка; когда наступает предел варьирования элементов языка, на котором возникает расхождение вариантов, что относится как к расхождению семантических вариантов многозначного слова, так и к вариантам грамматической формы, и к развитию вариантов языковой системы в целом, и даже к появлению разных языков на основе некогда единого языка.

В этой связи представляется необходимым уточнить применяемые в лингвистике термины: «вариативность», «варьирование», «вариантность», «вариант». Эти термины, часто используемые в лингвистических работах, употребляются недифференцированно, обозначая при этом несколько различных понятий: во-первых, наличие в языке отдельных разновидностей – географических вариантов, диалектов, функциональных типов, жанрово-стилевых видов языка и т.д.; во-вторых, параллельное функционирование в

языке в одной или нескольких его разновидностях – близких по содержанию или по оформлению единиц различных языковых уровней, начиная с недистинктивных различий в произношении и кончая лексическими и грамматическими синонимами и различиями в значении (или оттенках значения) формально сходных единиц (Расторгуева, 1976: 53). В целях большей точности целесообразно отнести термин «вариативность» к формальным вариантам одних и тех же лингвистических единиц. Следуя за общепринятыми дефинициями, варианты определяются как формально различающиеся модификации лингвистических единиц при тождественности основного лингвистического значения и как «образования, выполняющие в языкознании одну и ту же функцию, различающиеся между собой по их распределению в социальном и географическом пространстве» (Ахманова, 1960: 35).

Варьирование является основным источником исторических изменений, а также формой реализации изменений, а вариантность представляет собой источник и форму реализации тех формальных изменений, которые претерпевают лингвистические единицы, представленные данными рядами вариантов (Расторгуева, 1976: 53).

Термин «вариативность» конкурирует в языкознании с термином «вариантность». По мнению Худякова А.А. (Худяков, 2005: 166), предпочтение следует отдать термину «вариативность», так как термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Однако большинство лингвистов склонно считать, что инвариант речевых вариантов можно выделить далеко не всегда. Инварианты, как правило, легко выделяются, когда речь идет о единицах одностороннего уровня - фонологического. Классическим примером этого является установление инвентаря фонем какого-либо языка как инвариантов, к которым восходят варианты-аллофоны, служащие, в свою очередь, инвариантами для вариантов-фонов. Однако когда речь заходит о

выделении инварианта на знаковом уровне языка, задача становится гораздо более трудновыполнимой.

Уже на уровне морфологии его применимость требует обоснования. Например, между формами *I know* и *I knows* различие не затрагивает значения. Но при переходе на уровень синтаксиса, положение резко меняется. Изменение синтаксической конструкции очень редко оставляет неизменным сигнификативный компонент значения. Например, при различии в порядке слов, денотативное и сигнификативное значения предложения могут совпадать, но варианты могут отличаться в коммуникативном плане и т.д. Что касается термина «вариативность», он не накладывает обязательств непременно искать инвариант, так как обусловлен изменчивостью как феноменом и представляется нейтральным в плане методологии ее исследования.

Путь к пониманию вариантов и варьирования лежит через накопление и обобщение теоретического материала. При этом важно учитывать, что человеку для полноты выражения приходится не только использовать варианты, предоставленные ему в структуре языка, но и их разнообразные комбинации, что приводит к качественно новым ступеням исторического развития языков. При этом представляется довольно трудным определить именно те параметры, которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям.

Общие и частные проблемы языковой вариативности исследуются давно, что позволило накопить и обобщить огромный практический материал многих языков. Одной из основ науки вариантологии является теория тождества слова, становление которой относится к 1940-м гг. XX в., когда В.В. Виноградовым впервые было выдвинуто понятие формы слова, основанное на осознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления (Виноградов, 1994: 168). В 1950-е гг. А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова сформулировали основные понятия

вариативности и провели систематическое описание вариантов слов русского литературного языка (Гречко, 1966: 122). Позднее эта теория продолжала развиваться целым рядом исследователей, которые проанализировали следующие вопросы: виды вариантов слов, разграничение вариантов слов и смежных явлений (Горбачевич, 1979: 38); лексикографирование вариантных единиц; «словообразовательное» варьирование слова (Каспранский, 1976: 76); теория языковой нормы и вопросы практической нормализаторской деятельности (Глинкина, 2005: 187).

Теория вариативности слова была существенно дополнена разработками таких диалектологов, как В.Г. Арьянова, Л.И. Баранникова, В.Г. Гак, Э.Д. Головина, М.Я. Блох, А.И. Домашнев и др.

Большой вклад в изучение вариантности внесли российские ученые, такие, как А.Д. Швейцер, исследовавший вариативность системы британского и американского английского языков, Б. Карчу, рассматривающий систему современного английского языка в виде концентрических кругов - внутреннего, внешнего и расширяющегося, а интерес к социальной дифференциации языка, одной из центральных проблем современной социолингвистики, появился в трудах К.Н. Державина, Н.М. Жирмунского, Б.А. Каринского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, Н.В. Сергиевского, Л.П. Якубинского и других советских ученых.

В своей статье «К проблеме социальной дифференциации языка» А.Д. Швейцер рассматривает языковое варьирование, раскрывая это понятие через взаимодействие разных слоев общества друг с другом. Он полагает, что связь социальной структуры с вариативностью структуры языка должна рассматриваться с учетом всех производных от классовых структур элементов - социальных слоев, профессиональных, культурных и иных групп, вплоть до первичных коллективов (малых групп).

Сложность процессов языкового варьирования и взаимодействия языков в эпоху глобализации делает целесообразным разграничение в дидактических целях языка как инструмента и хранителя культуры и языка

как средства коммуникации. В первом качестве каждый существующий язык представляет собой абсолютную ценность и должен сохраняться и развиваться как часть культурного разнообразия мира

Проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно разрабатываемых проблем. К языку больше не относятся как к жесткой схеме, порождающей только правильные предложения, а к отклонениям от некоторой непроверяемой, дедуктивной правильности.

Актуальность такого исследования обусловлена всё большим увеличением внимания в науке к общей теории вариантности как универсального свойства языковой системы и, в частности, к такому перспективному аспекту, как структурно-типологический анализ вариантов, раскрывающий внутренний механизм устройства и развития языка при саморегуляции.

Исходя из всего вышеизложенного следует отметить, что вариативность языковых единиц обусловлена социально, что общество влияет на выбор языковой единицы в речевом поведении человека. Каждый территориальный вариант является не только пространственной проекцией языка, а также проекцией социальной, культурной и исторической.

2.2. Распространенность английского языка как международного

Одна из особенностей функционирования английского языка – это использование его в качестве государственного языка не одной, а многими нациями.

Наряду с некоторыми другими языками мира, такими как французский язык во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде, ряде развивающихся стран; испанский язык в Испании и некоторых латиноамериканских странах; немецкий язык в Германии, Австрии, Швейцарии; португальский язык в Португалии и Бразилии; итальянский язык в Италии и Швейцарии; шведский язык в Швеции и Финляндии; английский язык в Великобритании, США,

Канаде, Австралии, Новой Зеландии, целом ряде развивающихся стран Азии и Африки, бывших колониях Великобритании, относится к полинациональным и полиэтническим языкам, принадлежит не одной, а нескольким нациям, не одному, а нескольким этносам.

В истории распространения английского языка принято выделять три периода (Кристалл, 2001:104).

Первый период – ранее средневековье, когда влияние французского языка и некоторых других языков на английский язык было столь значительно, что он за сравнительно короткий срок стал скорее романским, чем германским.

Второй период – эпоха Возрождения и последовавшие за ней годы, когда английский заинтересовал большой объем лексики из классических языков и творчество ряда драматургов, прежде всего Шекспира, существенно обогатило его.

Третий период – конец второго тысячелетия – начало нового тысячелетия.

Начиная с 60-х годов XX в. распространение английского языка стало очень широким.

Некоторые страны первоначально использовали его в качестве средства межэтнического средства, затем язык постепенно видоизменялся и становился родным для населения. Так, британский вариант английского языка положил начало американскому варианту, а затем австралийскому и южноафриканскому. В XX в. развились нигерийский, индийский, сингапурский варианты и многочисленные новые разновидности английского языка (New Englishes). Некоторые лингвисты высказывают предположения, что такая ситуация может свидетельствовать о развитии новой языковой семьи (Евдокимов, 2003:206).

Английский язык занимает особое место в семидесяти пяти странах мира. В девятнадцати странах он является государственным языком. Его преподают в качестве иностранного языка более чем в 100 странах. В

большинстве стран английский язык преподают в школе как основной иностранный язык.

В XIX в. Великобритания стала ведущей промышленной и торговой державой. На протяжении XIX в. британская политическая система способствовала распространению английского языка по всему земному шару. А в XX в. этот процесс ускорился, прежде всего, благодаря экономической мощи США (Аракин, 2001:302).

Английский язык является одним из официальных языков ООН, ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), официальным и рабочим языком многих международных совещаний таких организаций, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Европейский Совет, НАТО. Английский язык – единственный официальный язык Организации стран-экспертов нефти, единственный рабочий язык Европейской Ассоциации свободной торговли ЕФТА (European Free Trade Association).

В наши дни происходит радикальное изменение языковой ситуации в мире. Никогда в прошлом столько стран и народов не испытывали такой потребности в общении друг с другом. Никогда раньше столько людей не имели возможности путешествовать по всему миру. Никогда прежде не требовалось выполнения такого объема устного и письменного перевода и не было такой необходимости в более широком развитии двуязычия.

В современном мире английский язык выполняет функции интернационального языка. За последние десятилетия английский язык стал международным средством общения, приобрел статус "глобального языка" (global language).

В реальности термин "международный английский язык" чаще всего соотносится только с британским и американским вариантами английского языка, в меньшей степени с канадским и австралийским вариантами и обычно не распространяется на другие региональные разновидности (Антрушина, 1999:27).

Принятое в отечественной лингвистике определение английского языка как полиэтнического, или полинационального, отражает не столько его функциональную роль, сколько этнографическое распространение, закрепление за разными этносами, что является результатом выполнения им функции языка международного общения.

Одним из критериев международного статуса языка принято считать большое количество выполняемых им функций: признание его в качестве государственного или официального языка в стране, где он функционирует в таких сферах, как административное управление, суд, средства массовой информации, образовательная система (Коптелова, 2000:33).

Английский язык в современном мире стал "дополнительным" языком для ряда народов, и этот его статус проявляется в расширении функционирования, увеличении межкультурных областей использования, в углублении социального использования.

"Основные функции английского языка как международного языка, или сферы его использования, можно свести к следующим:

- 1) официально-дипломатическая;
- 2) официально-государственного регулирования;
- 3) официально-деловая (в бизнесе, торговле, на транспорте, в связи);
- 4) образовательная;
- 5) информационная (в науке, средствах массовой информации, Интернете, спорте, медицине и т.д.);
- 6) развлекательная (кино- и видеопродукция, поп-музыка);
- 7) рекламная (этикетки, торговые марки и пр.)" (Прошина, 2001:57).

В качестве международного языка английский язык теперь не привязан к одной какой-то определенной культуре, нации. Развитие английского языка в современном мире все меньше и меньше определяется людьми, для которых он является родным языком. Именно в этом заключается "плюрицентричность" английского языка, признаваемая современной социолингвистикой. Дуоцентричность (британский английский и

американский английский как два центра лингвистической гегемонии) сменилась плюрицентричностью, что привело к созданию понятий множества разновидностей английского языка (World Englishes)" (Кристалл, 2001:98).

Как язык-посредник в современном мире английский язык играет роль языка межкультурного взаимодействия и обогащения. Во многом это объясняется тем, что с давних времен английский язык проявляет тенденцию к заимствованию лексики. Он обладает способностью легко и просто принимать заимствования, происходящие как из других языков, так и через английский язык Карибских островов, Индии и испаноговорящей Америки. В связи с появлением большого числа так называемых новых вариантов английского языка в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР, на Карибских островах, внутри самой Великобритании (в Ирландии, Шотландии, Уэльсе), а также в Индии, Шри-Ланке и других странах усиливается процесс "нативизации" (Кристалл, 2001:101). Под нативизацией понимается процесс изменения языка под влиянием местных языков. При этом происходит формирование новых типов английского языка и изменение форм и структур так называемого "стандартного" варианта английского языка. Новые варианты английского языка представляют собой нечто вроде диалектов. Однако в отличие от диалектов, существующих на региональном уровне и имеющих тысячи пользователей, новые варианты языка существуют на международном уровне и имеют миллионы пользователей.

2. 3 Вариативность современного английского языка

В последние два-три десятилетия мы стали свидетелями процесса глобализации. Под глобализацией понимается процесс, затрагивающий все земное пространство. Предполагается, что множество социальных, экономических, культурных, лингвистических, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. Развитие

взаимосвязей между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада в целом, поэтому глобализация означала, в сущности, европейскую, западную глобализацию. Ныне же процессы регионализации и глобализации охватили весь земной шар. Следовательно, уже ни один народ не может жить в коммуникативной изоляции.

Для этого стал необходим универсальный язык, язык межкультурного общения. Под языком межкультурного общения рассматривается разновидность определенного языка который возникает в результате контакта с иноязычной культурой (Кабакчи, 1998: 9). Он формируется в ходе прямого межкультурного диалога, который возникает при контакте различных культур. Язык межкультурного общения не может заменять существующие национальные языки, он должен только дополнять их, выполнять функцию только международного общения. Ограниченность этой функцией не позволит ему подменить международное общение этническими особенностями того или иного естественного языка. Таким образом, язык межкультурного общения – это универсальное средство, которое распространяется на различные виды иноязычного описания культуры и которое осуществляется на испанском, французском, немецком или любом другом языке.

В связи с усилением во второй половине XX в. влияния США в мире английский язык получает статус глобального языка, языка межкультурного общения, который будет рассматриваться в качестве вторичного средства своего культурного самовыражения. В лингвистике это направление называется «интерлингвокультурологией». Английский язык стал первым мировым универсальным языком, *lingua franca*. У него практически нет конкурентов. Английский язык является родным языком 500 млн. людей в 12 странах мира. Но еще 600 млн. говорит на английском в качестве второго языка. Несколько сот миллионов обладают определенными знаниями английского языка, который имеет официальный или полуофициальный

статус примерно в 62 странах. И его употребление растёт удивительными темпами.

Отношение к распространению английского языка не является простым. Глобальный английский считается ненужным, с одной стороны, и полезным, с другой. Учёные по-видимому, раскололись на две противоположные группы, которые можно назвать «скептиками» и «триумфаторами».

«Скептики» считают, что распространение английского угрожает многим языкам. Первенство английского приводит к неравенству говорящих на других языках и говорящих на английском, и тем самым создаёт иерархическую структуру, в центре которой находятся британский или американский вариант (Cunningham, 2001: 4; Kachru, 2008: 21-31).

Английскому предсказывают судьбу латинского языка, хотя многие учёные не верят в это. В настоящее время возникают новые формы английского языка, новые стандарты разговорного английского, наряду с письменным вариантом.

«Триумфаторы» (Kingsley, 2006: 240-269; Kachru, 2008: 35), наоборот, поддерживают идею плюрицентризма. К тому же использование одного языка облегчает межкультурное общение.

В эпоху «глобанглизации» возникает множество вариантов английского языка. Такие учёные, как Качру, Прошина пишут о разных его вариантах и *нативизации*. Варианты английского языка, как замечает Прошина, представляют собой *лекторный континуум*, состоящий из нескольких фаз – *акролект* – *мезолект* – *базилект* (актролект – формальный уровень коммуникации, мезолект – неформальный уровень образованных пользователей и базилект – уровень, свойственный необразованным пользователям). Эти фазы характеризуют уровень использования языка, но не у одного индивида, а в целом социуме (Прошина, 2007: 46).

Процессы нативизации привели к появлению таких вариантов английского языка, как “*World English*” (WE) и “*English as an International Language*” (EIL). Под термином “World English” понимается английский язык

как международный язык общения, так и английский, который используется как второй иностранный. Эта разновидность языка лишена культурно-специфических черт и не дискриминирует говорящих по политическим, социальным, возрастным, религиозным, культурным и другим признакам (Прошина, 2007: 4). В последнее время английский язык становится средством выражения национального своеобразия страны в процессе межкультурной коммуникации. Большинство лингвистов рассматривают понятие World Englishes как теорию региональных вариантов английского языка.

Что касается ЕП, то он основан на формальном уровне общения, который обычно имеет место в международных переговорах, научных дискуссиях и т.д. Лингвистически ЕП использует современную нейтральную лексику, исключает устаревшие слова и употребляет простые структуры. Главными критериями ЕП являются понятность, уместность и эффективность общения (Прошина, 2007: 35).

Брадж Качру был первым лингвистом, начавшим изучать варианты английского языка. Он предложил схему распространения английского языка в мире в виде трёх концентрических кругов, которая легла в основу теории вариативности. Он представляет современный английский язык в виде концентрических кругов – внутреннего, внешнего и расширяющегося (*inner, outer and expanding circles*). Причинами для включения определённого варианта языка в ту или иную зону являются отношение языка к языковой норме и набор выполняемых им коммуникативных функций. Итак, внутренний круг (*inner circle*) образует тот вариант английского языка, который является родным языком в определённой стране (в Великобритании, США, Канаде, Новой Зеландии, Австралии) и используется во всех коммуникативных сферах. Языковая система принимается англоговорящими как норма, которой надо подражать. По отношению к языковой норме варианты английского языка в данном случае рассматриваются как «норморазвивающие» (*norm-developing countries*).

Внешний круг (outer circle) образуют такие страны, как Индия, Южноафриканская республика, Пакистан, Малайзия, Филиппины, Нигерия, Гана, Бангладеш, Сингапур и некоторые другие, где английский имеет статус официального или второго государственного языка, наряду с национальным языком. Диапазон коммуникативных функций сужён, а отношение к языковой норме рассматривается как «норморазвивающее» (*norm-developing countries*).

Третий круг, который выделяет Брэдж Качру, это расширяющийся круг (*expanding circle*). К этим странам относятся страны Европейского Союза, Израиль, Индонезия, Тайвань, Саудовская Аравия, Китай, Россия. В этих странах английский язык никогда не являлся официальным, но выполняет определённые функции – является вспомогательным языком, языком для международных целей (Kachru, 2008: 18). Необходимо отметить тот факт, что между кругами не существует чётких границ и поэтому один и тот же вариант может быть отнесён к разным кругам (Прошина, 2007: 24).

Как было сказано ранее, английский язык является *lingua franca*. Мы не можем говорить об Uzbek English. По сравнению с другими странами расширяющегося круга, например, с Японией или Кореей, Узбекистан находится на далёкой периферии расширяющегося круга континуума. Английский язык в узбекском обществе довольно узок, намного меньше, чем в Японии или Корее.

Как отмечается выше, Узбекистан принадлежит к тем странам, для которых английский является иностранным языком, и поэтому в стране используется *экзонорма*. Экзонорма, или внешняя норма, связана с моделью английского языка тех стран, где он является иностранным, а *эндонорма*, или внутренняя норма, предполагает местную (региональную) разновидность английского языка образованных носителей в качестве образца (Прошина, 2007: 41).

Любой язык является носителем национально-культурного кода определённого народа. Этот национально-культурный код составляют слова,

которые показывают связь языка и культуры. Такие слова рассматриваются в разных лингвистических дисциплинах. Для обозначения таких лексических единиц используются такие термины, как «национально-маркированная», «культурно-маркированная» или «национально-специфическая» лексика. Эту лексику изучают не ради изучения культуры, а с целью сопоставления разных культур, что вносит вклад в развитие межкультурной коммуникации (Швейцер, 1971: 24).

Итак, национально-культурное варьирование является результатом распространения различных вариантов английского языка на определённой территории. Эти варианты используются в разных сферах жизни общества. Они подвергаются влиянию местных языков, а также отражают ценности чужой культуры. Рассмотрение вариантов современного английского языка – одна из важных проблем. Язык является не только средством общения, но и хранителем культуры.

2.4. Стандартный английский и национальные варианты английского языка

Стандартный английский язык — понятие, которое относится к любой форме английского языка, включающей в себя грамматику, лексику и правописание, принятой в качестве национальной нормы в англоязычных странах. Поскольку, в отличие от абсолютного большинства наиболее распространённых языков мира, у английского языка нет никакого официального органа регулирующего его литературную норму, точное определение «стандартного английского языка» невозможно дать в принципе (http://en.wikipedia.org/wiki/Standard_English.htm)

В Великобритании, в частности, в Англии и Уэльсе, под стандартным английским часто подразумевают Received Pronunciation и англ. *United Kingdom Standard English* (UKSE). В Шотландии в качестве языкового стандарта используется Шотландский вариант английского языка (*Scottish*

Standard English). В США стандартным английским именуют «общеамериканский», или «североамериканский английский», который отличается от «южноамериканского английского», прежде всего акцентом. В Австралии стандартом считается Австралийский вариант английского языка (англ. *General Australian*).

Особенности «стандартного английского» зависят от региональной специфики. Форма, которая считается стандартом в одном регионе, может быть нестандартной в другом, и наоборот. Например сленг городских американских негров можно рассматривать как «нестандартный английский» в отличие от сленга представителей среднего класса. Помимо этого, в рамках каждого «национального стандарта» английского языка существует набор функциональных стилей речи (достаточно сравнить, например, стиль газетной публицистики со стилем академических изданий). Различаются между собой также стандарты устной и письменной английской речи. Стандарты разговорной речи традиционно менее жёстки, нежели стандарты письменной речи, и быстрее воспринимают новые грамматические нормы и лексику. Различия в версиях стандартного английского зачастую восходят к правилам английской грамматики, принятым ещё в XVIII веке.

В результате исторических миграций англоговорящего населения и создания Британской империи, а также преимущественного использования английского языка в качестве международного языка торговли и коммерции (лингва-франка), английский стал наиболее широко используемым вторым языком после родного. В странах, где английский язык не является широко распространённым, для местных жителей можно считать для целей обучения «стандартом» британский или американский вариант.

2.4.1. Британский вариант английского языка

Английский язык – официальный язык Великобритании, его знает и на нем говорит подавляющее большинство британцев.

Английский язык, на котором говорят в каждой из четырех частей Великобритании (Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльсе), имеет собственные отличия. Английский язык, на котором говорят шотландцы, валлийцы (уэльсцы), ирландцы, несколько отличается по произношению и словоупотреблению от английского языка Англии.

Для того, чтобы передать особенности речи шотландца, в литературе часто используются такие слова и фразы, как *aye* вместо *yes*, *wee* вместо *little*, *I dinna ken* вместо *I don't know*, *mon* вместо *man*, *laddie* вместо *boy*, *lassie* вместо *girl*, *bairns* вместо *children*, *ye* вместо *you*.

Особенности речи валлийцев передаются такими словами и фразами как *boyo* вместо *man*, *look you* вместо *do you see*, *there is colditis* вместо *it is cold*. Речь ирландца отмечена такими выражениями, как *be gorra* вместо *bygod*, *would you be after wanting for* вместо *do you want* и повторением последних фраз, например, *at all, at all*.

Акцент очень важен в Великобритании. Он показывает, откуда человек родом и, в очень значительной степени, к какому классу он принадлежит. Ни в одной стране, кроме Великобритании, нельзя с такой уверенностью определить социальное положение человека в обществе, стоит ему открыть рот. То, на каком диалекте говорит человек в Великобритании, определяет его место в обществе, пожалуй, более жестко, чем в других странах мира (Коптелова, 2000: 32).

В Великобритании отношения к региональным и социальным особенностям речи, к акценту и диалектизмам в речи связаны с определенными предвзятыми отношениями, например, между севером и югом Великобритании. Стандартный английский язык и RP (считается стандартной формой произношения, характерная для многих образованных людей в любой части Великобритании и большинства жителей юга Англии) сложились на основе южного диалекта, диалектов Лондона и его окрестностей, языка столицы страны и ее культурного центра. "Все, что относится к северу страны, некоторые "южане" считают менее утонченным,

культурным, сложным, а на людей, говорящих с акцентом северян, смотрят как на менее образованных" (Матюшенков, 2002: 214). Чем сильнее акцент, тем сильнее предубеждение против человека, говорящего с этим акцентом, особенно если этот акцент настолько сильный, "густой", "крепкий" (Антрушина, 1999: 234), что понять его трудно не только иностранцу, но и британцу, говорящему на стандартном английском языке.

Наименее приемлемы социальные диалекты рабочего класса пяти промышленных городов Великобритании – Лондона (кокни), Ливерпуля (скауз), Бирмингема (брамми), диалект Глазго и Белфаста. И сегодня люди, говорящие с присущими этим диалектам особенностями, воспринимаются как работники физического труда (Ильиш, 1971: 163).

2. 4. 2. Канадский вариант английского языка

Канадцы настаивают на том, что их вариант английского языка имеет совершенно четкие отличия от американского и британского вариантов английского языка, и это действительно так.

Канадцы используют в речи некоторые британские выражения и слова, которые не употребляют американцы. Они называют резинку *a rubber band* (AmE – elastic); диван *a chesterfield* (AmE – sofa, couch); кроссовки *runners* (AmE – sneakers, tennis shoes); кассу *a cash register* (AmE – a till).

В США обращения "мадам" (ma'am) и "сэр" (sir) – это обычные вежливые формы обращения. В Канаде, если обратится к женщине "мадам", она, как правило, ответит, что недостаточно стара для такого обращения.

На формирование канадского варианта английского языка на ранней стадии его развития оказали влияние французский язык, языки американских индейцев. Таким путем попали в канадский английский слова *esquimaux*, *canoe*, *caribou*. Многие слова вошли в канадский вариант из лексикона торговцев пушниной и пионеров освоения страны.

Диалект канадского английского в Атлантических провинциях очень напоминает диалекты рыбаков в Шотландии и Ирландии. Диалект, на котором говорят в Ньюфаундленде, или "Острове" (Island), как его иногда называют, труден для понимания даже для самих канадцев из других провинций. Этот диалект иногда называют "гнузавый диалект Ньюфи" (Newfy twang) (Ильиш, 1971:153), его особенности и черты характера людей, проживающих в этих местах, канадцы высмеивают в шутках и анекдотах. В нем много локализмов, используемых при описании погоды и связанных с рыбной ловлей: так, они называют обыкновенный шторм *tempest* (буря), а мощный шторм называют *trap smasher* (буквально "разрушитель силков"). В этих местах есть местные продукты и блюда, имеющие соответственные названия: *grunt* (пудинг, приготовленный на пару); *snits* (сушеные дольки яблок); *larrigan* (тип обуви); *waterhorse* (соленая треска).

Диалект английского языка, на котором говорят в провинции Квебек, прежде всего отличается влиянием французского языка, например, *caleche* (название одного из видов повозок, запряженных лошадьми), *double window* или *storm window* (рама с двойными стеклами, обычно вынимающимися), *whisky blanc* (алкогольный напиток), *professor* (в значении "школьный учитель"). Количество слов французского происхождения в английском языке провинции Квебек разнится от района к району.

На арктическом севере, покрывающем территорию Юкона, Северо-восточных территорий, северного Квебека, Лабрадора, распространены заимствования из языка инуитов, такие как *kabloona* (белый человек), *basketsled* (вид саней, салазок), *fanhitch* (собачья упряжка), *angakok* (шаман), *tupik* (разновидность палатки) и *chimo* (тост). Многие из этих заимствований вошли в стандартный английский язык, например, *igloo* (иглу, жилище инуитов). Торговля пушниной, одна из важнейших отраслей хозяйства, также привнесла свои слова и выражения, например, *factory* (фактория, пост торговли пушниной), *a factor* (старший офицер такого поста – a senior officer).

Запад страны – Британская Колумбия с центром в Ванкувере – отделен от остальных районов Канады Скалистыми Горами, что способствовало довольно высокой миграции вдоль Тихоокеанского побережья. В результате части этой территории, и в особенности Ванкувер, испытывают значительное американское влияние. Ощущается и влияние языков коренного населения, например, *keekwillee-house* (тип землянки), *salt chuck* (океан), *kokane* (land-locked salmon). Развита терминология, связанная с местными отраслями хозяйства, а именно добывающей промышленностью и лесной промышленностью (*logging, rigging, yarding, caulk, boomchains, jackladder*). Многие из этих слов вошли в стандартный английский язык.

Так канадский вариант английского языка развивался в условиях влияния американского английского - с одной стороны, и британского варианта – с другой. Поэтому канадский английский несет на себе отпечатки обоих языков, в каких-то случаях- британского, в каких-то – американского.

2.4.3. Австралийский и Новозеландский варианты английского языка.

Австралия – одна из стран мира, в которых национальная идентичность развивалась через равенство культур и языков населяющих ее народов.

Австралийский вариант английского языка (Australian English) является лингвистическим маркером самобытности Австралии и ее освобождения от британского колониализма. Кроме того, австралийский вариант английского языка позволяет носителям различных языков общаться и взаимодействовать в австралийском обществе, внося в него модели общения, принятые в их первых языках и культурах.

Несмотря на то, что культурное разнообразие не разрушает единство австралийского варианта английского языка, все более ощущается существование выраженных этнолектов, используемых поколениями иммигрантов. Предполагаемый источник происхождения этих этнолектов –

это английский язык, характеризующийся особенностями произношения и грамматики, характерными для первого поколения иммигрантов, и используемых вторым поколением иммигрантов при общении между родителями и детьми или родителями и их родителями.

Речь носителей австралийского английского крайне разнообразна, что и неудивительно, учитывая многообразие существующих диалектов. Она богата идиоматическими выражениями и сленгом. Австралийский сленг имеет четыре основных источника: языки аборигенов, родные языки белых переселенцев (этнолекты, о которых мы писали выше), влияние смешивания языков в результате миграции населения и сленг, сформировавшийся в результате развития собственно австралийского английского. Зачастую сложно определить, является ли тот или иной "австрализм" общеупотребительным словом или сленговым. Многие из них являются лексической нормой для австралийского варианта, хотя происходят от сленга или ненормативной лексики социальных элементов, сформировавших австралийское общество.

Из языка аборигенов в австралийский английский вошли такие слова: *billabong* (a waterhole) *jumbuc/c* (a sheep), *corroboree* (an assembly), *boomerang* (a curved throwing stick), and *budgerigar* (from *budgeree*, "good" and *gar*, "parrot"). Но число этих заимствований незначительно: оно ограничено названиями растений (*bindieye*, *calombo*, *boree* и *malee*), животных (*currawong*, *kookaburra*, *wallaby*, *wombat*) и рыбы (*barramindi*) (Г.Н. Бабич, 2005: 168).

В отличие от Австралии в Новой Зеландии два официальных языка – английский язык и язык маори, хотя это в основном англоговорящая страна. Новозеландский вариант английского языка отличается от австралийского варианта английского языка; он чист и ясен и легко понятен во всем мире.

Существуют заметные различия между разновидностями новозеландского варианта английского языка, функционирующими на Северном и Южном островах этой страны.

Язык Новой Зеландии испытывает на себе четырех кратное давление: в добавлении к проблеме, которую приходится решать носителям других первичных вариантов – как справиться с соперничающими между собой влияниями британского и американского вариантов, новозеландцы вынуждены решать проблемы взаимодействия с австралийским вариантом английского языка и взаимодействие с языком маори (население маори составляет около 12 % от 3,5 – миллионного населения страны).

Некоторые лингвисты считают, что в стране формируется и маорийский вариант английского языка (Maori English) (Ильиш, Швейцер, 1971, 1978).

Уникальность социолингвистической ситуации Новой Зеландии заключается в совместном влиянии британского, американского, австралийского, местного вариантов английского языка и маорийского языка. Все эти факторы положили начало формированию новозеландского варианта английского языка.

На основе вышеизложенного материала можно констатировать, что несмотря на сильное американское влияние, австралийский и новозеландский варианты английского языка представляют собой скорее ответвление британского, нежели американского варианта английского языка, но в то же время имеют свои отличительные черты ввиду самобытности этих двух соседствующих стран.

Выводы по второй главе

В настоящее время большое внимание уделяется проблеме языковой вариативности. В языкознании термин "вариативность" конкурирует с термином "вариантность". Как полагает Худяков А.А., предпочтение следует отдать термину «вариативность», так как термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Однако большинство лингвистов склонно считать, что инвариант речевых вариантов можно выделить далеко не всегда.

Англоязычный ареал как объект лингвистического исследования проблемы вариативности представляет собой исключительное явление.

Английский язык является официальным языком многих государств, среди которых Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия.

Сегодня мы живем в эпоху глобализации, процесс, затрагивающий всё земное пространство. Следовательно, уже ни один народ не может жить в коммуникативной изоляции. Для этого стал необходим универсальный язык, язык межкультурного общения. Английский язык стал первым мировым универсальным языком, *lingua franca*. У него практически нет конкурентов. Английский язык является родным языком 500 млн. людей в 12 странах мира. Но еще 600 млн. говорит на английском в качестве второго языка. Несколько сот миллионов обладают определенными знаниями английского языка, который имеет официальный или полуофициальный статус примерно в 62 странах. И его употребление растет удивительными темпами.

В эпоху «глобанглизации» возникает множество вариантов английского языка, что вполне естественно. К сожалению ввиду широкой вариативности данного языка, проблемным является вопрос обучения и изучения того или иного варианта для стран, где английский является иностранным.

Тщательное изучение вариантов современного английского языка – одна из важных задач современной лингвистики. Никому не секрет, что язык является не только средством общения, но и хранителем культуры. Любой язык является носителем национально-культурного кода определённого народа. Этот национально-культурный код составляют слова, которые показывают связь языка и культуры. Эту лексику изучают не ради изучения культуры, а с целью сопоставления разных культур, что вносит вклад в развитие межкультурной коммуникации.

Глава III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

3.1. Лексические особенности американского варианта английского языка как отражение культуры и истории народа

Чтобы понять лексические особенности американского варианта английского языка необходимо обратиться к истории США. Изначально американский и британский английский ничем не отличались друг от друга, поскольку первые английские колонисты завезли с собой в Америку тот английский язык, на котором говорили в Англии. Переселенцы все еще относились к Британии как к своей родине, и их язык был последним, что связывало их с землей, которую они покинули. Политические раздоры привели к тому, что связи между двумя странами прервались, и английский язык в Америке стал развиваться по своим законам. Пропасть между американским и британским английским стала расширяться.

Английский язык 17 века был исключительно разноликим, варьируя в зависимости от местности и от социального слоя, к которому принадлежал говорящий, в гораздо большей степени, чем теперь. Даже нормативный письменный английский язык - как на то указывают орфография, грамматика и стиль Шекспира и Мильтона - ни в коей мере не был единообразным. В дальнейшем разнообразие вносилось также более поздними иммигрантами из Англии в США, поскольку английский язык их родной страны претерпевал многочисленные изменения на протяжении 18,19 и 20 веков. Из этих разнообразных вариантов английского языка развился американский английский, в ряде отношений отличающийся от британского варианта.

В словаре американского английского есть слова и выражения, которые не используются в Великобритании. Они называются **полными американизмами**. Многие полные американизмы - это названия растений и

животных, неизвестных в Англии: *egg-plant* - баклажан, *moose* - американский лось, *cat bird* - дрозд американский.

К другой группе полных американизмов относятся слова, заимствованные из индейских диалектов: *canoe*, *moccasin*, *squaw*, и т.д.

Эти две группы принадлежат к ранним американизмам. Кроме них существуют еще поздние американизмы, отражающие американские понятия и феномены: *drive-in* - кинотеатр или магазин, где можно посмотреть фильм или сделать покупки, не выходя из машины; *drugstore* - аптека, где продаются не только лекарства, но также игрушки и другие товары.

Полные американизмы не имеют эквивалентов в британском английском. Но есть и такие, которые их имеют, так как они называют одни и те же объекты, феномены и действия:

British English	American English
<i>chap</i>	<i>guy</i>
<i>lift</i>	<i>elevator</i>
<i>secondary school</i>	<i>high school</i>

Очень часто слова обоих вариантов различаются в написании, произнесении и ударении:

British English	American English
<i>neighbour</i>	<i>neighbor</i>
<i>tomato</i> [tə'mɑ: təv]	<i>tomato</i> [tə'meɪtəv]

Иногда слова в обоих вариантах совпадают в главном значении, но различны во второстепенном: *butcher* - мясник в обоих вариантах, но в США оно так же означает *разносчик товара в поезде*.

Одно и то же слово может использоваться в обоих вариантах, но в различном значении: *faculty* - 1) профессорско-преподавательский состав (американский английский); 2) факультет (британский английский).

В американизмы также входят слова, которые стали в Британии архаизмами: *fall* - осень, *sick* - больной и т.д.

Есть еще одна распространенная сфера английской лексики, которая в последнее время активно проникает в литературу и кино и требует поэтому специальных пояснений. Речь идет об американском сленге. Сленг занимает достаточно большую часть словаря современного американца. В XX веке идет активный процесс перехода сленговой лексики в литературный английский. В недавнем прошлом сленговыми являлись такие ныне распространенные слова и выражения, как *of course*, *to take part*, *to get up*, *lunch*.

3.2. Статус общего американского сленга в лингвокультурной системе США

При постановке этого вопроса следует помнить, что, прежде всего, сленг есть компонент просторечия, разговорной речи, как неоднократно отмечал крупнейший сленголог мира Э. Партридж (Partridge, 1964:286). Как литературный стандарт не существует без сленга, так и сленг не может существовать без кодифицированного, стандартного языка, поскольку сленг – интегративная составляющая, неотъемлемый компонент языка данного народа, что позволяет сделать вывод о сленге как безусловной и неотъемлемой части культуры народа-носителя языка, так же как и «речевая инвектива представляет собой своеобразную культурную универсалию для всего человеческого общества, являясь древним живым фрагментом этнически-специфичной культуры» (Жельвис, 1992: 4-5). И неспроста американский сленг представлен в качестве важного элемента американского английского и американской культуры в самом авторитетном словаре американского сленга (Lighter, vol. 1, 1994).

Общий американский сленг (далее ОАС) понятен большей части населения США, т.е. он входит в общенародный обиходный язык, который

является хранилищем, транслятором и знаковым воплощением культуры (Телия, 1986: 235). Э. Партридж считал сленг квинтэссенцией разговорной речи (Partridge, 1964: 286). В свою очередь, Ю.М. Скребнев полагал, что «разговорный язык – это в некотором смысле минимальная система национального языка, филогенетически и онтогенетически первичная система, важнейшая по диапозону общественной и индивидуальной значимости» (Скребнев, 1985: 9). Отсюда вытекает важность и необходимость изучения ОАС как лингвокультурного феномена общенародного просторечия.

Само определение сленга всегда было камнем преткновения и поводом для горячих дискуссий. Трудность заключается в критериях отделения сленга от коллоквиализмов, жаргона, диалектизмов и т.д. Часто, особенно в западной лексикографии, сленгом называли всё то новое, что появлялось в языке и пользовалось популярностью, что, конечно, не может быть принято за основу.

В качестве рабочего определения можно согласиться с точкой зрения Дж. Лайтера и считать сленгом социальный и стилистический слой достаточно большого неформального словаря американского английского; т.е. это непринуждённый, нестандартный словарь, состоящий главным образом из звучащих по-новому синонимов стандартных слов и выражений (Lighter, 1994: 11). Сленгу присуща интимность, близкое знакомство с предметом разговора. В этом можно убедиться, сравнив такие единицы как *professional dancer* и *hooper*, *prison* и *the joint*, *beer* и *suds*, *intellectual* и *wonk*.

Представляет интерес и тот факт, что некоторые слова сленга повысили свой статус и перешли в коллоквиализмы или стандартный АА: *bamboozle* – обман, мошенничество; *blizzard* – буря; *buddy* – дружище, приятель; *crony* – близкий друг; *Dixie* – Южные штаты США; *doxy* – верование, убеждение; *flabbergast* – изумлять, поражать, ошеломлять; *flimflam* – вздор, ерунда; *gadget* – приспособление или устройство; *GI* – солдат, рядовой; *hijack* – угон самолёта; *hoodlum* – хулиган, громила; *jazz* – джаз; *jeep* – джип; *mob* – толпа;

ogle – влюблённый взгляд (RH HDAS, XIII). Важно иметь в виду, что сленговые слова можно выделить только по контрасту со стандартными лексическими единицами, на фоне которых сленг имеет отличительные характеристики.

Как уже отмечалось выше, многие слова сленга существуют в языке долгое время, не исчезая и не меняясь, являясь своего рода инвариантами сленговой лексики. Стабильность и долгая жизнь некоторых слов общего сленга говорит о гибкости и жизнестойкости языка, несмотря на многие радикальные изменения в американской социокультурной жизни.

3.2.1. Сленговая лексическая единица и её культурно значимая информация

Одной из главнейших, базовых функций языка является коммуникативная. К этой функции языка относится, в частности, и «функция хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа» (Слюсарева, 1990: 564). В плане соотношения языка и культуры представляет интерес передача языковой единицей культурной информации.

Как отмечается в лингвистической литературе, в номинативном составе языка содержится по крайней мере два типа единиц. «Это единицы, в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты культуры духовной и социальной), и единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» (Телия, 1996: 235).

Извлечение культурной информации из единиц первого типа не представляет особых трудностей, так как она лежит на поверхности и все носители языка – члены данной лингвокультурной общности – достаточно легко ее распознают.

Культурная информация второго типа «спрятана», «закамуфлирована», она не так эксплицитно ощущается, чувствуется носителем языка, как в единицах первого типа. Дело в том, что коннотации слова труднее определить, они охватывают все эмотивные и когнитивные ассоциации, которые слово даёт интеллекту, разуму, кроме его обычного, словарного значения. К тому же коннотации большинства слов в принципе бесконечны и не имеют границ. Это является свидетельством культурной целостности общества. Обо всём этом говорит Дж. Лайтер в предисловии к словарю американского сленга (Lighter, 1994: XX).

Поскольку лингвокультурология рассматривает воздействие культурной информации языковых единиц на менталитет носителей языка, представляется полезным рассмотреть или хотя бы обозначить их жизненные установки. Для культуры США, для американцев – членов лингвокультурной общности – характерны следующие установки: акцент на материальных ценностях, на «действие», т.е. изменении, прогрессе; ориентация на будущее; краткосрочные планы; акцент на автономии личности; стремление к самостоятельному принятию решений; ориентация на немедленное вознаграждение. В центре всего этого – идея о том, что время – деньги; его нельзя растрачивать на пустяки и др. (Кармин, 1997: 169). Всё это находит выражение в языке и культуре американцев.

Приведём несколько примеров передачи культурно значимой информации посредством денотата единиц ОАС, например: словосочетание **mind the store** – заниматься, вести дело в чье-либо отсутствие – несёт культурный компонент в своём денотате. Речь идёт о кульминационном пункте анекдота об умирающем лавочнике – торговце, вокруг которого собралась вся его семья и который, на мгновение придя в себя, спрашивает: Who's minding the store? Например:

Richie, you **mind the store** (L., 558)

Ср.: Ричи, ты занимайся делом.

Следующий пример также можно отнести к этой категории, т.е. передача культурно значимого компонента мести посредством денотата – **Montezuma’s revenge** (или его синоним **Mexicali revenge**). Значение словосочетания «понос» (особенно у американских туристов в Мексике). Здесь имеем аллюзию к имени последнего правителя ацтеков (1470-1520), который потерпел поражение и был убит европейцами. Примеры:

I had a little touch of **Montezuma’s revenge** the second day, but other than that we had a wonderful time (Spears, DAS: 244).

Ср.: У меня было небольшое расстройство желудка на второй день, но в остальном мы прекрасно провели время.

Nearly all of his guests developed classic cases of “**Mexicali revenge**” after being fed local produce (Atlantic).

Ср.: Почти все его гости страдали от классического расстройства желудка после того, как поели местной еды.

В ОАС единица **Mickey Mouse** имеет несколько значений, из них выделим два: глупая или скучная деятельность или порядок; мелкий, робкий, не имеющий значения или глупый человек:

The Army is also seeking to make military life more attractive by eliminating regulations that are sometimes called “**Mickey Mouse**” – rules likely to cause more irritation than they are worth.

Ср.: Армия также пытается сделать военную службу более привлекательной, отменяя правила, которые иногда называют Микки Маус, - то, что вызывает раздражение больше, чем он того стоят.

Культурная коннотация данной единицы происходит от имени персонажей мультфильмов У. Диснея. В каком-то смысле Микки Маус – это

символ Америки, одно из самых оригинальных творений американской культуры (Американа, 1996: 594).

Лексическая единица ОАС **groovy** – приятный, спокойный, отличный; волнующий, обычно соотносимая с 1960-ми гг. и движением хиппи, на самом деле возникла в среде чёрных джазменов в конце 1930х годов, благодаря чему культурно значимая информация этого слова легко устанавливается по связи с выражением **in the groove** – спокойный; приятный и восхитительный; в отличной форме. Может иметь также значение – стильный, модный. Примеры:

That was surely the **grooviest** moment I'd had in many years (King: 166).

Ср.: Наверняка это был самый приятный момент в моей жизни за многие годы.

What a **groovy** family we're going to have! (Edelman: 244).

Ср.: Какая отличная семья будет у нас!

People often think it's some **groovy** kind of actor's spelling, but it's not.

Ср.: Люди часто думают, что это какая-то модная орфография актёра, но это не так.

Когда речь идёт о культурной коннотации лексических единиц ОАС, в работе лингвокультурологического характера нельзя пройти мимо характерных черт, присущих американскому лингвокультурному сообществу, его менталитету, остановиться и затронуть, осветить хотя бы некоторые из них, ибо тема эта достаточно объёмная и сложная, до конца неизученная, несмотря на многие попытки сделать это.

Среди характерологических черт менталитета жителей США специалисты отмечают такие как индивидуализм, свободолюбие, оптимизм, веру в собственные силы, активность, энергичность, предприимчивость, деловитость, трудолюбие, работоспособность, самоуверенность, прагматизм, целеустремлённость, расчётливость, рационализм, патриотизм, уважение к закону и властям и т.д. (Кармин, 1997: 163-171).

Американцы – патриоты своей страны, они считают, что Америка самая лучшая, самая богатая, самая свободная страна, что это – образец для других стран, отсюда такое уважение к американскому флагу, который вывешивают почти на каждом доме, к гимну страны и пр. При этом патриотизм может принимать такие крайние формы, что это приводит к национализму, к ощущению превосходства над другими народами. Это – в менталитете лингвокультурного сообщества, и это никуда не денешь.

Отсюда – высокомерное, снисходительное, уничижительное, презрительное отношение к другим народам, что находит своё непосредственное отражение в ОАС, включая сюда и расовые проблемы, которые существуют в США. Например, для номинации негров употребляются такие единицы как *ace of spades*, *boogie*, *coon*, *banana*, *chocolate*, *jigabo*, *shade*, *shine*, *spade*, *spook*, *coal*, *dink*, *high yellow* и мндр., для жителей Азии, Востока используются такие слова как *Jap*, *Nip*, *rag-head*, *slant*, *slant-eyes*, *slope* (*slopie*, *slopy*), *wop*, *Chink*, *goon*, *gink*, и др., для лиц еврейской национальности – *mockie*, *kike*, *porker*, *yid*, *hooknose*, *clipped dick*, *Hebe* (*Heeb*, *Heebie*) и мндр., для представителей Мексики – *bean*, *chili bean*, *chili eater*, *Mex*, *Mexie*, *wet back*, для других народов и национальностей тоже нашлись уничижительные, презрительные сленгизмы, так для француза – *frogeater*, для англичанина – *Limey*, для итальянцев и испанцев – *Dago*, *spic*, *spick*, *spig*, *spigotty* и др., для немцев – *Kraut*, *Hun* (*Hunkie*, *hunky*), для россиян – *Russky* и т.д. Приведём несколько примеров:

He was advised that “some **gink** grabbed a rifle and shot one of the nurses”
(Brownmiller, 106)

Ср.: Ему сообщили, что какой-то азиат взял ружьё и застрелил одну из медсестёр.

“Shit, sarge, we’re here to find **ginks**, ain’t we?” “Yeah. Only we ain’t sure he’s a VC” (Giovannitti, 94).

Ср.: «Чёрт, мы здесь для того, сержант, чтобы найти вьетнамцев, не так ли?» - «Да, только мы не уверены, что он вьетконговец».

How do you know he's not an English-speaking Vietnamese? A **Chink** that infiltrated us? (Reeves, 117)

Ср.: Откуда ты знаешь, что он не вьетнамец, говорящий по-английски? Узкоглазый, который пробрался в наши ряды?

And he commenced to choke the **goon**... and after a while the **nigger** agreed he was a nigger (Willingham, 78).

Ср.: И он стал душить этого уroda, и вскоре ниггер признался, что он – ниггер.

Who cares if a bunch of **Limeys, Krauts, and Frogs** kill each other? (Brown, 44).

Ср.: Кому какое дело, если англичане, немцы и французы перебьют друг друга?

Wop. Dago. Guinea. Take your pick (Stewart, 89).

Ср.: Макаронник. Итальяшка. Мартышка. Выбери, что хочешь.

You got to have a mean **coon** like Brooks to keep these boys in line (Williams, 18).

Ср.: Надо, чтобы у тебя был мерзкий негритос, такой, как Брукс, чтобы держать этих ребят в строгости.

Безусловно, эти и другие подобные единицы ОАС отражают сложившиеся в США лингвокультурные установки носителей АА, это реальность как она есть. Такая ситуация существует и в других странах, но как отмечает В.И. Карасик, «в английском языке в 2,5 раза больше этнических инвектив» (в сравнении с русским и немецким языками) (Карасик, 1996: 14).

Сленговые топонимы также представляют интерес с точки зрения лингвокультурологии, так как они несут в себе определённую культурную информацию. В качестве примера возьмём единицу ОАС **Podunk** –

воображаемый сельский городок, где всё и вся старомодно, отстало и плохо (в языке с 1990-х гг.) Первоначально алгонкинский топоним в значении «перешеек или уголок земли», который был использован для номинации нескольких поселений в Новой Англии:

I don't want a job in **Podunk** (Spears, DAS, 287).

Ср.: Я не хочу работать в этой глуши.

Близко к этому топониму стоит сленговое словосочетание – примерно с тем же значением – *jerkwater town* (с 1800-х гг.) – маленький городок; небольшая деревня:

I go across France... to a little **jerkwater town** just over the border from Spain (L., 270).

Ср.: Я еду через всю Францию... в маленький городок, как раз на самой границе с Испанией.

Интересно, что в данном случае в языке соблюдена симметрия: в литературном АА есть топоним **Pocatello** – небольшой городок в штате Айдахо, символ «глубинки», т.е. места, куда трудно вернуться сенатору, обосновавшемуся в столице. О таких сенаторах избиратели говорят: «Они никогда не возвращаются в Покателло» (They never go back to Pocatello). Отсюда выражение: «Не возвращаться же в Покателло» (You can't go back to Pocatello) (Американа, 1996: 747). Несомненно, что данный литературный топоним представляет определённый интерес для лингвокультурологического исследования.

Достаточно распространён такой политический жаргонизм как *Potomac fever* – особенно среди политиков – «потомакская лихорадка», т.е. безудержное стремление к политической известности с использованием любых средств. Данная единица культурно и локально маркирована – от

названия реки (Potomac River), на которой расположена столица США г. Вашингтон.

Язык и культура тесно связаны друг с другом. Эта связь и переплетение инкорпорированы в слове языка, его семантике, графике и фонетике. Например, рассмотрим сленгизм Dixieland – южные штаты США. Почему Dixie? По всей вероятности, это слово происходит от надписи на десятидолларовых банкнотах, выпущенных в двуязычной Луизиане перед Гражданской войной: на обратной стороне банкноты было напечатано по-французски слово DIX, «десять». Вскоре Новый Орлеан, затем Луизиану и весь Юг стали называть «Земля Дикси» или просто «Дикси», особенно после песенки 1859г. «Земля Дикси», которая после образования Конфедерации стала её официальным гимном. К этому можно добавить, вероятно, связанное с понятием Диксиленд – первые джазовые ансамбли новоорлеанского стиля, а также музыкальный стиль джаза. Так в слове тесно переплетается языковое и культурное, происходит интеграция культурного компонента в семантику и фонетику слова, ровно как и в его графику. Это слово принадлежало сленгу, затем стало словом литературного АА:

The word **Dixie** came from Dix and later **Dixie** was used in general as meaning the South. But at first **Dixie** and Dixieland meant only New Orleans (DAS, 152).

Ср.: Слово Дикси получилось из Dix и позднее Дикси стало использоваться в значении Юг. Но вначале Дикси и Диксиленд означало только Новый Орлеан.

Рассматривая единицы ОАС и их культурно-значимую информацию, мы исходим прежде всего из положения о том, что задача лингвокультурологии – «эксплицировать культурную значимость языковой единицы» (Маслова, 1997: 10). В этом плане американский общий сленг представляется благодатным материалом, хотя культурная информация его единиц, как уже

отмечалось выше, чаще имплицитна, чем эксплицитна, и порой требует немало усилий, знаний и умений увидеть искомое. В этом неоценимую помощь оказывают различные словари, всякого рода справочные издания, в том числе лингвострановедческие, энциклопедические и т.д.

3.3. Культурологическая функция фразеологических единиц в американском английском

Фразеология естественного языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира и национальная культура. Благодаря фразеологии, а особенно идиоматике, можно проникнуть в далёкое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей. Идиоматика более тесно связана с наивными представлениями о мире, национальной культуре, духовной жизнью и фантазией носителей языка.

Анализ структурного состава американских нестандартных фразеологических единиц (далее ФЕ) показывает, что он такой же, как и структурный состав литературных фразеологических единиц АА. Отличие заключается в более выраженной образной, эмоционально-оценочно-экспрессивной нагрузке нестандартных ФЕ, при этом культурно значимая информация, передаваемая ими, воплощается в культурно-национальной коннотации ФЕ.

Нужно отметить, что почти вся американская фразеология сложилась на американской почве, с учётом географических, исторических, социальных, культурных, политических и других причин и факторов.

Фразеологизм – это текст, т.е. хранитель национально-культурной информации. Фразеологизмы прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесённость ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. ФЕ представляет собой сгусток культурной информации, позволяет сказать многое, экономя языковые средства и в то же

время добираясь до глубины народного духа, культуры (Маслова, 1997: 45, 47).

Фразеология национального языка, как стандартная, так и нестандартная, является отражением жизни данного народа, его быта, культуры, традиций, верований, мифов и т.д. В современной лингвистике по этому вопросу существуют две крайние точки зрения. С одной стороны, большинство исследователей утверждают, что идиоматике – это «святая святых национального языка», в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации (Бабкин, 1979: 7). С другой стороны, говорится об отказе от использования понятия национально-культурной специфики лексем (как отдельных слов, так и фразеологизмов) (см.: Добровольский, 1997).

Вероятно, истина лежит посередине. В каждом языке есть единицы с явно выраженной национально-культурной спецификой, в которых действительно отражается менталитет народа, его дух, но в то же время, в связи с универсальностью отражаемых в лексемах (словах и ФЕ) понятий, присущих всем или, по крайней мере, многим народам и языкам, другие единицы не являются носителями, на все 100%, национально-специфических черт.

В самом деле, во всех развитых естественных языках есть единицы, передающие состояние человека, его поведение в критических ситуациях, когда он испытывает боль или находится в полосе больших неприятностей, но только в АА эта идея передаётся посредством ФЕ. Например: **bite on the bullet** – стиснуть зубы, крепиться, терпеть боль, горе; принять неприятности и попытаться жить с ними и т.д. Происхождение данной ФЕ связано с проведением болезненных операций на раненных в полевых условиях во время военных действий, которым из-за отсутствия анестезии приходилось кусать пулю. Сейчас это выражение стало стандартным и широко употребляется в языке. Например:

Keep up the fight, Pardner. Don't let them make you bite the dust, just **bite the bullets** (Revell: 195).

Ср.: Воюй, Парднер. Не дай им сломать тебя, просто крепись.

After asking Congress to “**bite the bullet**” and pass his proposed 10 per cent income tax surcharge, the President himself **bit the bullet by** agreeing to a much larger accompanying spending reduction that he believed was in the national interest (New York Times).

Ср.: После того, как Президент попросил Конгресс стиснуть зубы и принять его предложение о 10-процентом налоге на добавочную стоимость, ему самому пришлось пойти на уступки, согласившись на гораздо большее сокращение расходов, что, как он считает, делается в интересах нации.

С другой стороны, национально-культурная специфика выражения понятия безусловно присутствует и в словосочетании **when the eagle flies** – когда выплачиваются деньги, заработная плата – **eagle day** – связано с изображением орла на части американских денег. Специфика проявляется именно в способе передачи этого понятия, а не в его уникальности, так как деньги платят не только в США. Например:

The **Eagle flies** on Friday, and Saturday I go out to play. Don't forget the **eagle flies** today (RH HDSA, 689).

Ср.: Деньги платят в пятницу, а в субботу я уеду поиграть. Не забудь, что зарплата сегодня.

Большой лингвокультурный заряд имеет фраза-заклинание **I'm from Missouri** в значении I'm skeptical by nature. Недаром штат Миссури имеет официальное прозвище Show Me State – штат недоверчивых, основанное на вошедшей в поговорку недоверчивости его жителей. Сейчас эта фраза-клише в словарях сленга имеет помету colloq. (RH HDAS). Первоначально в обиход вошла в 1899г. Благодаря конгрессмену из Миссури Виларду Вандиверу.

Фраза привлекла активное внимание исследователей (Cohen, 1993, 1995). В наши дни широко употребляется в устной речи, так и в прессе и т.д. Например:

I'm from Missouri, and I guess you'll have to show me (Cohen, 5).

Ср.: Я из штата Миссури и думаю, что вы должны мне всё показать.

But at the moment **Wall Street is from Missouri** (l., 562).

Ср.: Но в данный момент Уолл-стрит скептически относится к этому.

Последнее предложение говорит о скептическом, недоверчивом отношении Уолл-стрит, финансовых кругов США к обсуждаемой проблеме. Культурная информация этой фразы тесно связана с её семантикой – это недоверчивое, скептическое отношение говорящих к ситуации, к обсуждаемым вопросам.

Демократизация американского варианта английского языка приводит к растущему взаимодействию литературного стандарта и нестандартной фразеологии, тесному их переплетению, активному использованию американской нестандартной фразеологии в средствах массовой коммуникации, в художественной литературе, не говоря уже о повседневной разговорной речи. А актуальность проблемы объясняется также и пополнением словарного состава языка за счёт ФЕ из ОАС, что является совершенно закономерным процессом. Свежие ФЕ лучше отражают меняющуюся обстановку, новые культурно-исторические условия и реалии лингвокультурного сообщества.

Анализ фразеологического массива американского варианта английского языка показывает, что его фразеология позволяет выявить специфические черты данной лингвокультурной общности, отношение её членов к жизни, работе, политическими социальным событиям и явлениям.

Язык – зеркало культуры, всё происходящее в жизни народа – носителя языка – отражается в лексико-фразеологической системе языка – в стандартной и в нестандартной.

3.4. Заимствованная лексика в американском английском как результат межкультурной коммуникации

Язык всегда являлся объединяющим началом любого народа, особенно в тех странах, где население состоит из различных национальностей, хотя все вместе они называют себя американцами.

Прежде всего, кто такие американцы? Как известно, коренные американцы – это североамериканские индейцы, численность которых сократилась с 1млн человек до 200 тысяч к концу 19в. (Золотаревская, 1973: 96-99) и которых в итоге вытеснили с их земель в резервации. В своей массе американцы – это переселенцы из Европы – Великобритании, Ирландии, Германии, Италии, Франции, Скандинавии, а потом из России, Японии, Китая и т.д. Все эти этнически разные группы в итоге составляют американский народ.

Вливаясь в американское общество, все эти группы в той или иной степени попадали под влияние общеамериканской среды. В ходе их адаптации значительную роль играло усвоение ценностей уже сформировавшейся доминирующей культуры, овладение английским языком как важнейшим элементом процесса аккумуляции. Знание английского языка давало вполне осязаемые преимущества и рассматривалось как неременное условие интеграции группы или индивида в рамках американского общества (Швейцер, 1983: 38).

Отсюда – такая характерная особенность американской культуры как её пестрота и «всеядность», позволяющая ей легко «заглатывать» элементы других культур. Как отмечают исследователи, отсюда и ещё одна её черта: соединение двух крайностей – с одной стороны, полного безразличия, а с

другой – обострённого внимания к этническим различиям (Кармин, 1997: 164).

Объединяющим началом для всех этнических групп в США всегда являлся и является английский язык, который доминирует во всех коммуникативных сферах. Познавая новый для себя язык, одновременно пытаясь сохранить свою этническую культуру и традиции, переселенцы последних 200 лет неизбежно впитывали и новую для себя культуру, хотя вплоть до конца 19 века Америка считалась культурной провинцией, перенимающей от просвещённой Европы передовые взгляды в науке, искусстве, идеологии. Но со временем положение менялось, в Америке формировались собственные культурные и научные центры, появлялись свои крупные писатели, философы, художники (Кармин, 1997: 165). И сегодня более 270 млн людей, проживающих в США, объединены именно посредством английского языка, несмотря на свои этнические различия. Можно смело сказать, что АА стал тем центром, тем стержнем, вокруг которого постепенно объединились и сплотились бывшие колонисты.

АА с самого зарождения использовал лексические единицы не только из автохтонных языков, что является вполне закономерным, но и из других, географически удалённых языков, хотя это стало происходить позднее. Для АА автохтонными (т.е. возникшими на месте современного местонахождения) являются индейские языки, из которых АА адсорбировал такие единицы как *squash* – кабачок, тыква; *hominu* – дроблёная кукуруза, мамалыга; *petmican* – пищевой концентрат; *rasoon* – енот; *skunk* – скунс; *chipmunk* – бурундук; *caribou* – карибу (олень); *wampum* – ожерелье из раковин и др.

Слово **wampum** пришло из алгонкинского языка, оно впервые зарегистрировано в 1638г. как алгонкинское слово для индейских денег-ракушек; с 1904г. считается общим сленгом в АА. В клнце 80-хх гг. нашего века под влиянием этого слова в США в финансовых кругах появился ряд

слов в значении «деньги», начиная с *wamba*, *womba*, затем *moolah*, которые имитировали языки индейцев Америки или африканские языки

С 1624г. колонисты использовали слово **powwow** из алгонкинского языка в значении «жрец, знахарь», потом оно стало употребляться в значении «церемонии, заклинания» у американских индейцев, и к 1812г. это слово приобрело современное значение «любого совещания, заедания, конференции». В словаре американского сленга Уэнтворта и Флекснера имеет помету «разговорное».

На Аляске американские солдаты впервые появились в 1867г., они покупали алкоголь у местных индейцев племени хучину; так появилось слово **hooch**, «крепкое спиртное; спиртное вообще», например:

They didn't want no army niggers in their pigs, botherin white women and drinkin illegal **hooch** at a bar where only white men was supposed to be standin and drinkin illegal **hooch** (King, 435).

Ср.: Они не хотели, чтобы армия ниггеров хозяйничала в их свинарниках, беспокоила белых женщин и пила незаконный алкоголь в баре, где полагалось быть только белым и пить этот алкоголь.

Одно из немногих, это слово имеет производное **hoochfest** «запой; попойка». Кстати, гораздо позднее в АА появилось омонимичное слово после Корейской и Вьетнамской войны **hooch** в значении «корейское жильё», затем «американский барак» от японского **uchi** «дом». Из языка американских индейцев пришла единица **muckamuck** – «важная персона», «шишка», а также **mugwump** – «влиятельная особа».

Как уже было сказано, **wampum** употребляется в АА в значении «деньги» и является сокращением алгонкийского слова **wampugpeag** – «бусы из ракушек, используемые в качестве денег». Приведём примеры с этой и другими лексическими единицами АА:

How much **wampum** do you want for this thing? (Spears, DAS, 424).

Ср.: Сколько ты хочешь за это?

The men get all the **moola** out of the safe (LaManna & Eliason, 93)

Ср.: Мужчины взяли все деньги из сейфа.

The cashbox... was just brimming with **moola** (Heinemann, 80).

Ср.: Касса была до краёв заполнена деньгами.

The directors are having a crucial **powwow** (Chapman, 245).

Ср.: У директоров сейчас важная встреча.

Her dad was a big **mucky-muck** at the Chicago Bridge & Iron Company (Smith, 37).

Ср.: Её отец был большим начальником в Чикагской Бридж энд Айрон Кампании.

Следует особо отметить, что многие из этих единиц АА появились в языке давно; так слово **muckamuck** – в АА с 1856г., **wampum** – с 1636г., **hooch** – с 1897г. Об этом свидетельствует не только их употребление в разговорной речи, но и активное использование в художественной литературе, например:

Money, ... **wampum**, lettuce – the root of all evil and God bless it (Calhoun, 97)

Ср.: Деньги, ... наличность, «зелёные» - корень всякого зла, господи, помилуй.

Указанное выше лишний раз доказывает положение о тесной связи языка и культуры, о том, что язык является средством межпоколенной трансляции культуры.

На словарный состав и произношение в такой же мере влияют такие факторы, как социальные контакты, этническое происхождение, возраст, класс и род занятий, как и региональные границы. Такие варианты

американского английского, как «черный английский» (Black English), «еврейский английский» (Jewish English), «испанский английский» (Hispanic English) и «кейджанский английский» (Cajun English), основаны на этническом происхождении (кейджане, жители южных районов штата Луизиана, потомки французов, некогда насильственно переселенных сюда из Канады). Они сохранили и собственный язык — вариант французского языка. Многие отличительные черты этих вариантов стали известны благодаря средствам массовой информации.

Остановимся подробнее на *испанизмах* как способе влияния на американский английский язык. Более интенсивно в США влияние испанского языка, особенно на юго-западе. Такие стандартные испанские и испанизированные индейские заимствования как *adios* (прощайте), *solo* (соло, индивидуальный), *rancho* (ранчо), *buscadero* (бакару – ковбой, специалист по уходу за лошадьми), *tapas* (тапас – любая закуска в Испании), *tacos* (тако – блюдо мексиканской кухни), *guacamole* (гуакамоле – закуска изпюрированной мякоти авокадо), *latino/a* (латино) широко используются в речи и литературе для придания ей разного рода стилистических, иронических и прочих оттенков. Получили распространение и разного рода ложные испанизмы, типа *chitos* (сыр из кукурузной муки), *doritos* (название чипсов) и т. д.

За последние 50 лет в США появилось огромное число испаноговорящих иммигрантов. В американский английский проникли такие слова как *amigo* (друг), *lasso* (лассо, аркан) и т.д. На Флориде, в Техасе и Калифорнии испанский язык представляет серьезную альтернативу английскому языку в качестве основного языка сообщества.

Г. Менкен, ссылаясь на Г. Бентли, указывает, что испанские названия носят не менее двух тысяч американских больших и малых городов (Бойсе, Чикаго); тысячи названий рек (Сакраменто, Сан-Хоакин, Колорадо), гор (Колорадо, Сент-Хеленс, Сан-Габриэль), долин и других географических объектов до сих пор сохраняют память о первых днях соприкосновения двух

культур; в одном только штате Калифорния насчитывают более 400 городов и городков с испанскими названиями (Сакраменто, Сан-Хосе, Сан-Франциско и т.д.).

Испано-язычный мир оставил свой след и в культурной жизни Америки. Народные песни, танцы, сказания, баллады, многочисленные празднества и состязания в том числе, и широко известное родео, появление ковбоев – одной из наиболее популярных фигур, своего рода символа американской жизни, обязаны своим рождением испанцам и другим представителям испано-язычных стран.

Контакты АА с испанским языком, чему предшествует большая история – принесли в ОАС такие единицы как **savvy** (1785) – понять кого-либо или что-либо (от испанского *sabe* «он знает», от *saber* – знать), **macho** – мужской, мужественный (1828), феминистками используется как унижительное слово, **numero uno** – лучший, **calaboose** (1792) – тюрьма, **bronc(o)** – необъезженная лошадь, мустанг (1893), **vamoose** – уходить, покидать от испанского **vamos** – пойдём (1840), **loco** – сумасшедший (1887) и др. Приведём несколько примеров:

Mary is **numero uno** in our office. You'll have to ask her (Spears, DAS, 258).

Ср.: Мэри – лучшая в нашем офисе. Тебе придётся спросить у неё.

We'll take a chance of going to the **calaboose** (Lewis, 90).

Ср.: У нас будет возможность попасть в тюрьму.

I haven't got the time to look for my **bronc** but you'll probably find him down the trail (Booth, 95).

Ср.: Мне некогда искать моего мустанга, но вы, вероятно, найдёте его по следу.

“When the canteen reopens we'll wheel'em back up, an' you tell Lillie no chattin' up the blonde Puss in Boots, **savvy?**”

“I **savvy**, sarge!”

Ср.: «Когда столовая откроется вновь, мы отвезём их туда, и ты скажешь Лили, чтобы она не болтала о блондинистой кошке в сапогах, понятно?»

«Я понял сержант!»

... but Shefford was so **macho** that he look pleasure in sending her up, albeit behind her back.

Ср.: ... но Шеффорд был таким мужественным, что ему было приятно отослать ей, хотя и по секрету от неё.

Frankie **vamoosed**, you ought to have somebody, I'll call up one of the fellers (Plath, 13).

Ср.: Фрэнки ушёл, тебе кто-нибудь понадобится. Я позвоню одному из парней.

Look, Leslie, have you gone **loco**? (Ferber, 87)

Ср.: Послушай, Лесли, ты с ума сошёл?

Look, you **bozo**, I've had enough of your jabber (Spears, DAS, 47).

Ср.: Послушай, клоун, мне надоела твоя пустая болтовня.

На данный момент, американский вариант английского языка развивается очень динамично. Каждый год в его словаре появляется около 800 новых слов. И, главным образом, это не абсолютно новые словоформы, а слова, образованные от уже ранее известных или сохранивших свою форму, но изменивших свое значение, в силу каких-либо культурных и исторических особенностей народа.

Контакты АА с другими языками неизбежно приводят к заимствованию лексико-фразеологических единиц, пополнению словарного фонда как литературного, так и нестандартного АА новой экспрессивной лексикой. В этом случае мы становимся свидетелями привнесения в американскую лингвокультуру культурных таксонов других стран и народов, в том числе и живущих совсем рядом.

Выводы по третьей главе

В данной главе нами был рассмотрен американский вариант английского языка, который считается одним из наиболее распространённых вариантов современного английского. В силу того что Америка является одной из тех стран где происходит обширное слияние различных народов, языков и культур, он вызывает наибольший интерес в области лингвокультурологических исследований.

Проведённый анализ лексических и фразеологических единиц американского варианта английского языка в лингвокультурологическом аспекте позволяет подтвердить наличие тесной связи между языком и культурой на уровне нестандартной лексики и фразеологии – как и в стандартном английском.

Общий американский сленг – неотъемлемый компонент американского английского, является безусловной и неотъемлемой частью культуры американского лингвокультурного сообщества, сленг – это таксон культуры США. В данной главе уделено внимание рассмотрению места общего американского сленга в культурной системе США, отмечается, что сленг является основным компонентом английского просторечия, он понятен большей части населения США и является лингвокультурным феноменом, так как основные ценности американского народа своеобразно преломляются и отражаются в сленге, который является носителем и транслятором определённого фрагмента американской культуры. В исследовании находит отражение тот факт, что стабильность и долгая жизнь некоторых единиц американского сленга свидетельствует о гибкости и жизнестойкости как ОАС, так и АА в целом.

Культуроносная функция фразеологических единиц непосредственно связана с их большой эмоциональной, образной и экспрессивной нагрузкой, при этом непосредственно в своих единицах американская фразеология отражает культурно-национальную специфику, ибо «общенародный

обиходный язык – знаковое воплощение культуры». Следует помнить что, в основном, вся американская фразеология, в том числе и нестандартная, сложилась на северо-американском континенте, с учётом исторических, социальных, политических, географических, культурных и других собственно американских факторов.

Заимствованная лексика в АА рассматривается как результат межкультурной коммуникации; при этом лексические и фразеологические единицы языков-доноров приносят в АА новые культурные таксоны других языков и народов. Для США характерно взаимодействие языков иммигрантов с английским языком, в результате чего происходит внутреннее заимствование вследствие непосредственных языковых контактов. В качестве примера мы рассмотрели примеры взятые из испанского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные положения и выводы данного исследования можно свести к следующему:

Лингвокультурология, как комплексная область научного знания, в центре интересов которой стоит вопрос о взаимоотношении языка и культуры, переживает в настоящее время период расцвета. Этот факт, как представляется связан с тем, что как наука, лингвокультурология имеет значительный прикладной потенциал. Именно с развитием исследований явлений языка в лингвокультурологическом аспекте, в лингвистике происходит переосмысление в интерпретации и описании культурно-языковых связей. В настоящее время отношения языка и культуры рассматриваются как имеющие характер взаимопроникновения и взаимовлияния.

Как филологическая дисциплина лингвокультурология изучает предварительно отобранное множество духовных ценностей и опыта языковой личности данной культурно-языковой общности, непосредственно ориентируясь на проявления взаимодействия языка и культуры.

В.Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику. для решения вопроса о культурно-языковом взаимодействии Национальная специфика выявляется при сопоставлении языков и предопределяется двумя факторами: объективным и субъективным. Объективный фактор предполагает естественные и культурные реалии, характерные для жизни одного народа, но отсутствующие в жизни другого народа. Субъективный фактор состоит в факультативной выборности: слова, отражающие одни и те же реалии, различным образом представлены в разных языках. Иначе говоря, национальная специфика проявляется во всех случаях расхождений, которые могут быть обусловлены или не обусловлены причинами культурного характера. Культурная специфика предполагает соответствие языковой

единицы элементу менталитета или духовной культуры сообщества, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни.

Национально-культурная специфика находит отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира.

Языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности. Это отражение в языке представлений о мире, осуществляемое человеческим менталитетом данного языкового коллектива. Языковая картина мира беднее концептуальной. В языковой системе находит выражение только незначительная часть представлений о мире данного языкового социума. Языковая картина мира часто называют наивной. Однако, как подчёркивает Ю.Д. Апресян, наивная – не означает примитивная, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений, таким образом, «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия вещей в противоположность научному их пониманию и объяснению.

Воссоздание языковой картины мира возможно осуществить через описание структуры языковой личности. Языковая личность понимается как носитель языка, посредством которого осуществляется прием и передача социального опыта, характеризующего и характерного для данной лингвокультурной общности. Таким образом, языковая личность владеет лингвокультурным кодом, обеспечивающим многообразные и многосторонние связи с различными представителями того же этносоциума.

Очевидно, что язык является не только средством общения, но и хранителем культуры. Любой язык является носителем национально-культурного кода определённого народа. Этот национально-культурный код составляют слова, которые показывают связь языка и культуры.

Мы живем в эпоху глобализации, процесс, затрагивающий всё земное пространство. Следовательно, уже ни один народ не может жить в коммуникативной изоляции. Для этого стал необходим универсальный язык,

язык межкультурного общения. Английский язык стал первым мировым универсальным языком, *lingua franca*. У него практически нет конкурентов.

В эпоху «глобанглизации» возникает множество вариантов английского языка, что вполне естественно. В настоящее время большое внимание уделяется проблеме языковой вариативности. В языкознании термин "вариативность" конкурирует с термином "вариантность". По мнению Худяков А.А., предпочтение следует отдать термину «вариативность», в силу того что термин «вариантность» акцентирует наличие в языке вариантов, последние же предполагают наличие инварианта. Но большинство лингвистов склонно считать, что инвариант речевых вариантов можно выделить далеко не всегда.

Из-за широкой вариативности английского языка, проблемным является вопрос обучения и изучения того или иного варианта для стран, где английский является иностранным. Становится очевидным, что изучение вариантов современного английского языка – одна из важнейших задач современной лингвистики.

В связи с усилением во второй половине XX в. влияния США в мире английский язык получает статус глобального языка, языка межкультурного общения. Никому не секрет, что Американский английский или американский вариант английского языка существенно отличается от британского варианта. В нашем исследовании мы попытались выявить отличительные черты и уникальность американского английского от других национальных вариантов, посредством лингвокультурологического анализа.

Проведённый анализ обширного массива лексических и фразеологических единиц американского английского в лингвокультурологическом аспекте позволяет подтвердить наличие тесной связи между языком и культурой на уровне нестандартной лексики и фразеологии – как и в стандартном американском английском.

Общий американский сленг - интегративная составляющая, неотъемлемый компонент АА, является безусловной и неотъемлемой частью

культуры американского лингвокультурного сообщества, ОАС - это таксон культуры США. Для анализа культураносной функции сленговых единиц было использовано понятие лингвокультурема, которое объединяет собственно языковое и внеязыковое, культурное содержание. При этом неоднократно подчёркивается важная роль культурной коннотации, которая является базовым понятием для лингвокультурологии, исследующей живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом американского народа.

Заимствованная лексика в ОАС рассматривается как результат межкультурной коммуникации; при этом лексические и фразеологические единицы языков-доноров приносят в АА новые культурные таксоны других языков и народов. Для США характерно взаимодействие языков иммигрантов с английским языком, в результате чего происходит внутреннее заимствование вследствие непосредственных языковых контактов. В качестве примера взяты заимствования из испанского языка

Результаты исследования проведённого в русле лингвокультурологического анализа лексических единиц американского варианта английского языка, показало что английский язык когда то привезённый британскими колонистами сильно эволюционировал в виду воздействия культур и языков различных народностей.

В недавнем прошлом американцы любили сравнивать свою страну с "плавильным котлом" (melting pot), т. е. местом, где происходит смешение людей разных рас и национальностей, подчеркивая тем самым единство нации. В наши дни американское общество чаще сравнивают с "миской салата" (salad bowl), подчеркивая сохранения самобытности каждой этнической группы. Думается в полнее логичным что всё это способствовало видоизменению и самобытности английского языка Северно-Американского континента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Президента Республики Узбекистан о мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков. - Г.Ташкент: газета «Народное слово», 11.12.2012г. №240 (5630)
2. Азнаурова Э.С. Слово как объект лингвистической стилистики: Дис... докт. илол. наук. – М., 1974. – 48с.
3. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В. Лексикология английского языка. - М., 1999. – 265 с.
4. Апресян Ю.Д.. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры». Избранные труды/ Ю.Д. Апресян. М.: Школа, 1995. Т.2. С. 32-56.
5. Аракин В. Д. История английского языка. – М., 2001. – 310 с.
6. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира// Язык о языке/ Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 200. – С. 7-9.
7. Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о правильности речи// Вопросы языкознания. – 1960. - №2. – С.35.
8. Бабич Г.Н. Lexicology: A current Guide. Лексикология английского языка: учебное пособие. – Екатеринбург: Уральское издательство: Москва: Большая медведица, 2005. – 176с.
9. Бабкин А.М. Идиоматике (фразеология) в языке и словаре// Современная русская лексикография 1977. – Л.: Наука, 1979. – С. 4-19.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр./ Общ. ред., вступ., ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 448с.
11. Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 544с.
12. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. – 283с.

13. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – Изд-во Моск. Унта, 1993. – 223с.
14. Вайнрах У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 264с.
15. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780с.
16. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики/ Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272с.
17. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 405с.
18. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания// Вопросы языкознания. – 2002. - №4.-С.42-72.
19. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331с.
20. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Учпедгиз, 1972. – 639с.
21. Виноградов В.В. История слов. - М.: Толк, 1994. - 1138 с.
22. Вингенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994. – 340с.
23. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 237с.
24. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов// Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260-265.
25. Глинкина Л.А, Чередниченко А.П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сб. таблиц, упражнений, материалов. М.: Флинта; М.: Наука, 2005.-208 с.
26. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике)// Вопр. языкознания, 1985, №2. – С.71-79.

27. Горбачевич К.С. Языковые варианты // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979. – С. 38-39.
28. Графова Т.А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Дис. канд. филол. наук. – М., 1987. – 20с.
29. Гречко В.А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.; Л., 1966. - С. 118-135.
30. Гумбольд В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397с.
31. Гумбольд В. Фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
32. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания. – 1997. - №6. – С.37-48.
33. Евдокимов М. С., Шлеев Г. М. Краткий справочник американо-британских соответствий. – М., 2000. – 238 с.
34. Жельвис В.И, Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: Автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 51с.
35. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. Гос. гуманит.ун-т, 2000. – 382с.
36. Золоторевская И.А. Индейцы – коренное население США// Национальные процессы в США. – М.: Наука, 1973. – С.96-157.
37. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152с.
38. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: Учеб. пособие для студ.пед.ин-тов.-2-е изд. – Л., 1971. – 170 с.
39. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПЮ.: РГПУ им. А.И. Герцена. ИВЭСЭР, 1998. – С. 9-32.
40. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке// Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр./ВГПУ, ПМПУ – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.

41. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии// Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001а. – С. 3-16.
42. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262с.
43. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1996. 264 с.
44. Кармин А.С. Основы культурологи: морфология культуры. – СПб.: Лань, 1997. – 512с.
45. Каспранский Р.Р. Очерк теоретической и нормативной фонетики (немецкого и русского языков): учеб. пособие. – Горький, 1976. – 99с.
46. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.
47. Коптелова Е. Speak English! // Иностранец, 2000. - № 25. – 35 с.
48. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270с.
49. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК Гиозис, 2002. – 284с.
50. Кристалл Д. Английский язык как глобальный. – М., 2001. – 155 с.
51. Ломан Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464с.
52. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзия и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. – 201с.
53. Маркарян Э.С. Культура как способ деятельности// Вопросы философии. – 1977. - №11. С. 137-141.
54. Матюшенков В. С. Словарь английского сленга. Особенности употребления сленга в Северной Америке, Великобритании и Австралии. – М., 2002. – 476 с.
55. Мартине А. Предисловие// Вайнрах У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования.- Благовещенск: БГК им. И.А. Юоодуэна да Куртене, 2000. – С.18-21.

56. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207с.
57. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007.- 296с.
58. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. Учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 2008с.
59. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 406с.
60. Найда Е.А. Анализ значения и составления словарей// Новое в лингвистике, вып.2. – М.: Изд-во иностран. лит., 1962. – С.45-71.
61. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 1998ю – 159с.
62. Прошина З.Г. The ABC and Controversies of World Englishes: учеб пособие. – Хабаровск, 2007. – 172с.
63. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Изд-во ИКАР, 1997. – 228с.
64. Расторгуева Т.А. Изучение количественных показателей грамматических вариантов в английском языке/ Т.А. Расторгуева// Филологические науки. – 1976. -№; – С.52-61.
65. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородск. ун-та, 1996. – 272с.
66. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 656с.
67. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи: Пер. с англ./ Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 656с.
68. Слюсарева Н.А. Функции языка// Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов.энциклопедия, 1990. – С.564-565.
69. Смирнова Т.В. Языковая личность в контексте проблемы «язык и культура»// Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика.

Лексикография/ Под. ред. В.В. Воробьёва, Л.Г. Саяховой/ Изд-е БашГУ. – Уфа, 2001. – С. 15-39.

70. Сорокин Ю.А. Текст и культуремы// Вариантность как свойство языковой системы. – М., 1982, ч.2. – С.73-76.
71. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 209с.
72. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1985. – 170с.
73. Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики// Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – С.5-42.
74. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев.: Наукова думка, 1992. - 164с.
75. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды// Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С.129-221.
76. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.
77. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288с.
78. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/ под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 206-315.
79. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание.// Новое в лингвистике. Лингвистика и логика. Вып. 1. М., 1960. – С. 135-198.
80. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка [тест]/ А.А. Худяков. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256с.

81. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 192с.
82. Шаховский В.И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием?//Вопр.языкознания, 1987, №5. – С. 47-58.
83. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1971. – 257с.
84. Швейцер А.Д. Некоторые аспекты проблемы «Язык и культура» в освещении зарубежных лингвистов и социологов// Национальный язык и национальная культура. – М.: Наука, 1978. – С. 143-160.
85. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983. – 216с.
86. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). – М.: Высш.школа, 1970. – 204с.
87. Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 448с.
88. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира// Вопросы языкознания, 1994. №5. С.73-89.
89. Bolton Kingsley. World Englishes Today// The Handbook of World Englishes/ Edited by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru and Cecil L.Nelson. Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006b. – P. 240-269.
90. Cohen G.L. I'm from Missouri, you've got to show me// Comments on Ety,ology, Jan. 1993 – Now. 1997, Parts 1-7.
91. Cunningham Denis. Language death – an appraisal// IATEFL Issues. 2001. No. 160. – p.4.
92. Kachru B. Cultures, Contexts and World Englishes. – NY, 2008. – 254p.
93. Partridge E. Slang// Usage and Abusage: A Guide to Good English/ - L., 1964. - P. 285-289.
94. Lighter J. A historical Dictionary of American Slang. Vol.1, the letter A. – Dissertation. – Univ. of Tennessee, Knoxville, 1980.

95. Random House Historical Dictionary of American Slang (RH HDAS, L)/ Editor, J.E. Lighter. – N.Y.: Random House. – V.1, 1994 – 1006p. V.2, 1997. – 736p. V.3 (in print).
96. Scollon R., Scollon S.W. Intercultural communication. A discourse approach. – Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell, 1995. – VIII, 271p.
97. http://en.wikipedia.org/wiki/Standard_English.htm

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь/ Ред. Г.В. Чернов. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185с.
2. Chapman R.L. American Slang. – N.Y.: Harper & Row, 1987. – 499p. (NDAS)
3. Spears R.A. NTC's Dictionary of American Slang & Colloquial Expressions. – Lincolnwood, Ill.: Passport Books, 1989. – XVI + 527p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Booth E. Lost Valley. – L.A., 1961.
2. Brown L. Iron Gity. – L.A., 1950.
3. Brown L.M. So, Discomfort. – N.Y., 1982.
4. Brown W. Monkey on My Back. – N.Y., 1953.
5. Brownmiller E. Against Our Will. – N.Y., 1970.
6. Calhoun D. Dando Shaft! – N.Y., 1966.
7. Edelman B. Dear Amer. – N.Y., 1970.
8. Ferber E. Giant. – N.Y., 1959.
9. Giovanniti F. Medal. – N.Y., 1972.
10. Heinemann F. Paco's Story. – L.A., 1986.
11. LaManna A. & S.Eliason. Titanic. – N.Y., 1996.
12. Lewis S. Ann Vickers. – N.Y., 1949.
13. Plath S. The Bell Jar. – Boston, 1946.

14. Reeves J.R. Mekong. – N.Y., 1984.
15. Revell S. Off the Chest. – N.Y., 1923.
16. Smith M. Death of Detective. – N.Y., 1974
17. Stewart F.M. Century. – N.Y., 1980.
18. Willingham S. End as a Man. – L.A., 1947.
19. Williams D. Kit Hard. – N.Y., 1982.
20. Williams T. Orpheus Descending// Three American Plays. – M., 1978.
21. Williams T.A Streetcar Named Desire. – N.Y., 1989.

